

Е. Е. Неразик

ИЗ ИСТОРИИ ХОРЕЗМСКОГО СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА

Археологические и этнографические работы все больше подтверждают мысль о несомненном влиянии древних традиций на формирование культуры населения Средней Азии в настоящее время. Археологи вскрыли обширные участки застройки на руинах древних городов и сельских поселений. В ряде случаев поэтому удастся проследить связь между древним и современным среднеазиатским жилищем. Наиболее изученным в настоящее время является, пожалуй, сельское жилище Хорезмского оазиса. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР дали материалы, позволяющие проследить в общих чертах историю формирования сельского жилища Хорезма, которому и посвящается данная статья. Основным объектом нашего исследования являются жилища узбеков южного Хорезма, характерные для конца XIX — начала XX в. (их строили там в середине 40-х годов XX в.). Планировка этих жилищ сложилась, как мы постараемся показать, на протяжении веков и стала традиционной для Хорезмского оазиса. В несколько измененном виде эта планировка легла в основу строительства современных колхозных домов¹.

Исследователи хорезмского южноузбекского жилища уже давно обратили внимание на его сходство с древними хорезмскими постройками. Однако поскольку самые эти древние постройки до последнего времени были еще недостаточно изучены ввиду отсутствия многих промежуточных звеньев, сопоставление древнего и современного жилища носило общий характер.

Так, В. Л. Воронина еще в 1949 г. считала, что «особый, весьма любопытный в архитектурном отношении тип жилья представляют укрепленные усадьбы Хорезма, сохранившие почти нетронутыми черты глубокой архаики и раннего средневековья»².

М. В. Сазонова детально сопоставила небольшой дом Якуббая Джуманиязова из Турткульского района Каракалпакской АССР с домом XII в., открытым в средневековом Кават-Калинском оазисе на территории той же республики, отметив как сходство плана в целом, так и сходство в размещении одинаковых по назначению помещений³ (рис. 1).

В. А. Лавров примерно в эти годы попытался проследить эволюцию хорезмского жилища, начиная с глубокой древности. Полной и законченной картины, однако, не получилось ввиду недостатка материала. По существу тогда было известно лишь несколько жилых башен в усадьбах Беркут-Калинского оазиса (VII—VIII вв.) и одна усадьба в Кават-Калинском оазисе (XII — начало XIII в.). Всего этого было явно недостаточно для того, чтобы составить полное и четкое представление о древнем жилище, не говоря уже о создании эволюционного ряда. К то-

¹ А. Н. Жилина, Традиционные черты в современном жилище Хорезма, «Сов. этнография», 1969, № 3.

² В. Л. Воронина, Узбекское народное жилище, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 81, 82.

³ М. В. Сазонова, К этнографии узбеков южного Хорезма, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 283.

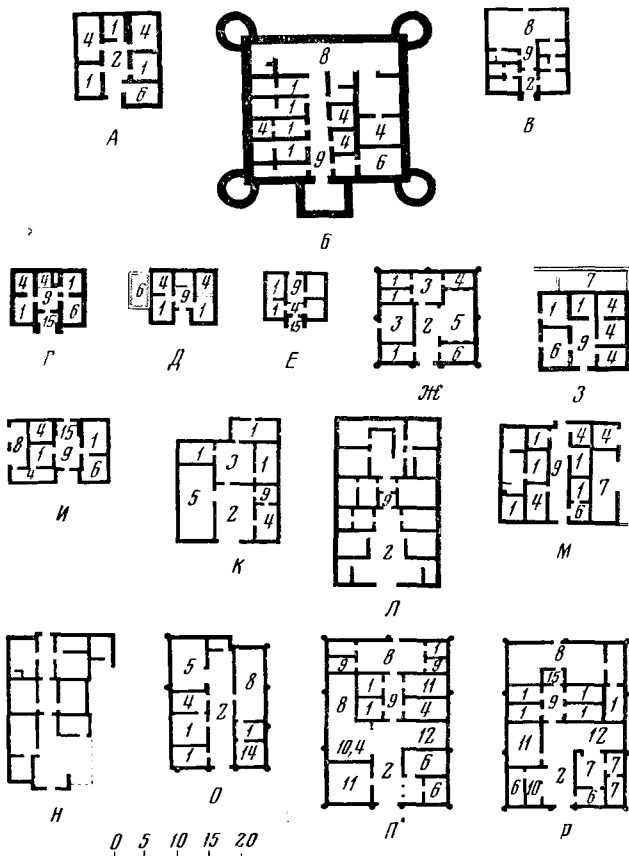

Рис. 1. Сельское жилище Хорезма VII—начала XX в.: А—В—Беркут-Калинский оазис, VII—VIII вв., замки №№ 92, 28 и 136; Г—Е—дома XII—начала XIII в.; Г и Д—№№ 1 и 60 в Кават-Калинском оазисе; Е—дом в урочище Айгельды в левобережном Хорезме; Ж—дом Якуббая Джуманиязова в Турткульском районе; З—дом в поселении XII—начала XIII вв. близ Замахшара; И—дом середины XIV в. у Акча-Геллина; Н—дом XII в. в районе ДAUDAN-калы; Л—дом XII в. в Кават-Калинском оазисе; М—дом середины XIV в. близ Шехрлика; К, О—Р—дома начала XX в. в Хорезмском оазисе.

1—жилое помещение, 2—широкий коридор (далан), 3—высокий закрытый айван, 4—кладовая, 5—конюшня, 6—михман-хана, 7—помещение для скота и кормов, 8—открытый дворик с летними айванами, 9—коридор в жилой части дома (дализ), 10—помещение для сбрун, 11—помещение с масляной, с мельницей, 12—скотный двор, 13—мастерская, 14—кухня, 15—телек-кладовая в верхнем этаже

му же полностью отсутствовали данные о жилище Хорезма эпохи Золотой Орды и некоторых других периодов⁴.

В 50—60-х годах нашего столетия сведения о древних сельских жилищах Хорезма очень пополнились. В результате многолетних работ в Беркут-Калинском оазисе выявлен облик раннесредневекового дома и внесены серьезные коррективы в существовавшие прежде представления⁵. В 1966—1969 гг. отрядом Хорезмской экспедиции обследованы многие сельские постройки XII—XIV вв., причем некоторые из них полностью раскопаны. Впервые стали известны сельские дома XIV в. Мы не касаемся эпохи античного Хорезма, поскольку жилища этого времени недостаточно изучены. По имеющимся сейчас сведениям, ощу-

⁴ В. А. Лавров, Градостроительная культура Средней Азии, М., 1950, стр. 124 и сл.

⁵ Е. Е. Нерзик, Сельские поселения афригидского Хорезма, М., 1966.

тимая связь южноузбекских сельских домов с древними постройками начинает проследиваться только с эпохи раннего средневековья.

Прежде чем начать изложение результатов нашего исследования, необходимо сказать несколько слов о самом южноузбекском хорезмском жилище. Ученые обычно приводят описание одного и того же типа дома с членением на внешнюю, хозяйственную (*дечан-хаули*) и внутреннюю, жилую (*ичан-хаули*) половины. Этнографические материалы между тем показывают, что такое членение необязательно. В зависимости от благосостояния семьи можно выделить три типа домов (к ним по существу сводятся все наблюдающиеся варианты). Наиболее подробное описание этих построек имеется в статье М. В. Сазоновой, причем первый тип представлен, по нашему мнению, домом Якуббая Джуманиязова; *хаули* (усадьба) с членением на жилую и хозяйственную половины составляют второй; к третьему же мы относим жилища зажиточных семей Максумляр и Матраим-бая⁶. Постройки двух последних типов являются жилищами больших семей. О том же, как выглядели дома малых семей, сведений нет, вероятно потому, что в Хорезме, согласно существующим представлениям, в XIX — начале XX в. преобладали крупные семейные коллективы. Естественно, что внимание исследователей сосредоточивалось преимущественно на больших семьях. Однако есть основания считать, что дома малых семей подобны жилищам первого типа, которые почти вдвое меньше остальных. Кроме того, М. В. Сазонова сравнивает уже упоминавшийся дом Якуббая Джуманиязова с усадьбой № 1 Кават-Калинского оазиса (XII — начало XIII в.); судя же по ее размерам и планировке, она могла вмещать только небольшое число человек.

Даже беглого взгляда на планы перечисленных типов жилищ достаточно, чтобы увидеть большое сходство между ними. Первые два типа представляют собой близкие варианты. Различия этих типов заключаются в усложнении их плана по мере увеличения состоятельности и численности семьи. Жилая ячейка, основой которой являлись центральный коридор и высокое помещение — *айван* (терраса), почти без изменения повторяется в обоих случаях, только во втором случае под общую кровлю подводится и хозяйственная ячейка. В домах первого типа по обеим сторонам коридора находились и жилые, и хозяйственные комнаты, и помещения для скота. Над частью коридора или над входом устраивали *телек* — помещение для хранения продуктов. Иногда — это особое двухэтажное сооружение при входе.

Дом для зажиточной семьи также представляет собой одну или несколько жилых ячеек с центральным коридором, только зачастую более усложненных, с двух- или трехкомнатными секциями для хозяина дома и других членов его семьи. Однако план этих *хаули* иной. Это подчас громоздкая система дворов с периметральной застройкой и жилых ячеек также центрического плана.

Обратимся теперь к истории формирования всех трех типов жилищ. Археологические работы показали, что дома с центральным коридором были широко распространены в Хорезме в XII—XIV вв., сама же композиционная схема, положенная в основу их строительства, складывается раньше. Так, некоторые постройки Беркут-Калинского оазиса (VII—VIII вв.) можно считать прототипом этих жилищ. Одна из таких построек, так называемый замок № 92, представляет собой укрепленное здание, вокруг которого некогда располагались не дошедшие до нас мелкие усадебные постройки. Почти квадратное в плане, здание делилось на две половины коридором; из него арочные проемы с крутыми пандусами-спусками вели в располагавшиеся вокруг жилые и хозяйственные комнаты. У входа помещалась несколько выдвинутая за пределы внешних стен здания двухэтажная башня с кладовой — хранилищем продук-

⁶ М. В. С а з о н о в а, Указ. раб., стр. 283—287.

тов в верхнем этаже и обширной сводчатой комнатой с широкой глинобитной суфой — в нижнем. Комнаты расположены правильно и симметрично. Эта планировка похожа на уже неоднократно упоминавшийся дом Якуббая Джуманиязова (рис. 1, А).

Усадьба № 136 почти без изменений повторяет этот тип с той только разницей, что центральный коридор перегороден тонкой стенкой с небольшой дверкой. К сожалению, эта постройка не раскопана (рис. 1, В). Примерно та же схема лежит в основе планировки усадьбы № 28, только застройка обеих ее половин менее симметрична, чем в описанных выше жилищах. Кроме того, в этом доме-массиве хозяйственные помещения сосредоточивались преимущественно по одну сторону коридора, а жилые — по другую. У входа с правой стороны находилось обширное, очень чистое помещение без бытового очага, с широкими суфами у стен, являвшееся, надо полагать, *михман-ханой* (парадная комната). Интересной деталью следует признать помещение над воротами, остатки которого зафиксированы во время раскопок⁷ (рис. 1, Б). Сельские постройки Хорезма IX—XI вв. неизвестны, но в XII—XIII вв. мы вновь встречаемся с описанным типом домов в еще более близком к рассматриваемым южноузбекским жилищам варианте.

Так, раскопанный в 1966 г. дом в Кават-Калинском оазисе состоял из четырех комнат и центрального коридора, торцевая часть которого отделена тонкой пахсовой перегородкой с продухами. Вход в дом оформлен в виде двухэтажного сооружения типа упоминавшихся выше *телеков* в южноузбекских домах, поскольку утолщенные стены входной комнаты позволяют предполагать, что существовал несохранившийся второй этаж. Комнаты по правую и левую стороны от входа в дом почти аналогичны по плану: посередине каждого помещения находился круглый керамический очаг для приготовления пищи, в одном из углов — умывальник — *ташна* (водослив), закрытый обожженными кирпичами или мраморной плитой с рельефным изображением восьмиконечной звезды. В торцевой части дома друг против друга располагались кладовая с многочисленными врытыми в пол кувшинами и комната, скорее всего предназначавшаяся для отдыха (рис. 1, Г).

Очень близок к описанному по назначению и распределению помещений дом, раскопанный в урочище Айгельды в левобережном Хорезме. Его особенность — наличие в коридоре перегородки, выделявшей узкий предвходной тамбур. Коридор служил одновременно и кладовой, где в ямах и сосудах, врытых в пол, хранились продукты и зерновые запасы. Над входом, выделенным утолщенными стенками, возможно, как и в Кават-Калинском доме, существовал второй этаж (рис. 1, Е). Дом № 20 в поселении близ Замахшара в левобережном Хорезме значительно усложнен в сравнении с этими постройками. Здесь уже не четыре, а восемь помещений, хотя общие черты планировки повторяются. Коридор в центральной части связан с комнатой в торце, примыкающей к внешней стене дома. Вся западная половина занята кладовыми с ямами и закромами для хранения продуктов. Коридор также был хранилищем. Восточную часть дома занимали две похожие друг на друга жилые комнаты с керамическими круглыми очагами и вымостками из обожженных кирпичей. Большое помещение в северной части, имевшее только один широкий выход наружу, служило, видимо, для хозяйственных целей. Поскольку весь пол истоптан, обмазки отсутствуют, можно предположить, что в них содержали молодняк скота (рис. 1, З).

Остатки поселений последующего периода (XIV в.) сохранились только на западных окраинах Хорезма. Однако и там, с известными отклонениями, связанными с иными, чем в центральных районах государства,

⁷ Подробнее описание этих построек см.: Е. Е. Неразник, Указ. раб., стр. 70, 76—78.

хозяйственно-географическими условиями, а в некоторых случаях и без влияния новых пришлых этнических групп, прослеживается тот же тип сельского дома. При этом если на дальних западных окраинах, возле Ак-Калы и Шехрлика, дома с центральным коридором встречаются относительно редко, то по мере продвижения на восток, ближе к Амударье, количество их возрастает. Наиболее выразительные виды этого типа жилья обнаружены в поселении близ развалин античного городища Акча-Гелин, по имени которого оно и названо.

Поселение протянулось на несколько километров вдоль русла большого канала; оно состояло из нескольких крупных групп — своеобразных хуторов, включавших и жилые дома и хозяйственные постройки. Интересующий нас тип дома повторялся в каждом хуторе. Как и в доме № 20 из замахшарского поселения, одну половину подобной постройки составляли две одинаковые по плану жилые комнаты, а другую — хозяйственные. Облик жилых комнат также не отличается от открытых в домах XII — начала XIII в. По-видимому, одна из них, расположенная непосредственно у входа, являлась *михман-ханой*. В коридоре, на этот раз сквозном, обнаружен *тандыр* для выпечки лепешек и отопительный очаг в виде круглой выемки в невысокой глинобитной суфе. Характерной особенностью плана является выделение центра коридора благодаря изменению толщины стен, которое можно рассматривать как попытку придать плану центрическую композицию. Над входной частью коридора возможен второй этаж (рис. 1, И).

Сопоставляя эти в общем-то однотипные дома XII—XIV вв. с домами узбеков южного Хорезма, нельзя не видеть в них большого сходства как с точки зрения общей композиции, осью которой являлся центральный коридор, так и расположения жилых и хозяйственных помещений. В исследованных нами домах нет разделения на жилую и хозяйственную части, что характерно, как мы видели, для небольших домов узбеков южного Хорезма. Далее можно думать, что уже в жилищах VII—VIII вв. существовали такие выразительные элементы планировки хорезмских южноузбекских жилищ как двухэтажные *телеки*. Наличие же их в домах последующих периодов несомненно. Труднее установить время возникновения высоких *айванов*, столь характерных для архитектуры хивинского жилища. В развалинах сельских домов Хорезма XII—XIV вв., где сохранились в основном только фундаменты стен, выделить высокие помещения трудно. Тем не менее можно доказать, что в некоторых хорезмских постройках, например в донжоне Якке-Парсана, имелись высокие двусветные помещения. Центральная комната этого донжона выделена стенами значительно большей толщины, нежели в других комнатах здания. Расчеты показали, что центральное купольное помещение по высоте превышало остальные. Есть некоторые основания предполагать, что такие *айваны* имелись и в крупных домах XII—XIV вв., тем более что центральные двусветные залы были неотъемлемой чертой многих крупных жилых построек VII—XII вв. на территории южной Туркмении, архитектура которой развивалась сходными с хорезмийской путями⁸. Вообще же высокий двусветный зал часто встречается в архитектурных сооружениях стран Востока начиная с глубокой древности⁹. В жилом народном строительстве узбеков южного Хорезма высокий центральный айван более характерен для городского жилья, в сельских же домах его строили сбоку от коридора, занимавшего, как мы видели, центральное положение в планировке. Можно, однако, думать, что строились и сельские дома, подобные городским, тем более что дома с центральным *айваном* есть в современных сельских поселках и существовали, как показано выше, в Хорезме еще в давние времена.

⁸ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 206—208.

⁹ См. Г. А. Кошелев, Культура Парфии, М., 1966, стр. 121—130.

Итак, к XII в. в Хорезме уже складывается тот тип дома, который затем прочно вошел в народное строительство. Важно заметить, что 50% из обмеренных нами 190 домов XII — начала XIII в. составили постройки площадью до 200 м². В последующий период (конец XIII—XIV в.) это соотношение при том же количестве обмеренных домов возрастает до 73%. Анализ внутренней планировки этих домов и сопоставление их площади с площадью современного хорезмского сельского жилища для семьи в 7—8 человек дает основание говорить, что они были предназначены для небольшой семьи. Это подтверждается также и подсчетом численности семьи в средневековой Варахше¹⁰.

Материалы по хорезмскому жилищу XII—XIV вв. позволяют заключить, что в этот период небольшие семьи здесь получили значительное распространение, тогда как в VII—VIII вв. основной ячейкой социальной структуры были крупные большесемейные общины. Однако так называемое гнездовое расположение построек в селениях XII—XIV вв. указывает, что семьи, выделившиеся из большесемейной общины, оставались в системе патронимических связей.

Эволюция семьи, прослеживаемая по изменению облика поселений и жилищ, объясняется социально-экономическими переменами в стране. Вслед за бурной, насыщенной междоусобными распрями и кочевническими вторжениями эпохой раннего средневековья, в XII—XIII вв. наступает эра расцвета экономики и культуры Хорезма, который стал центром обширного государства могущественных Хорезмшахов. Относительно высокий уровень благосостояния населения и его безопасность, обеспеченная политическим положением страны, способствовали разложению крупных семейных коллективов, характерных для Хорезма VII—VIII вв.¹¹ Не имея возможности останавливаться здесь подробно на вопросе о развитии семьи и семейно-родственных групп в древнем Хорезме, укажем лишь, что исследование жилищ и поселений, по-видимому, опровергает существовавшую ранее точку зрения о стабильности большесемейной общины на всем протяжении существования Хорезмского государства. Есть основания говорить, что семья развивалась сложным путем с периодами реставрации крупных семейных общин и их распада на более мелкие ячейки.

Вероятно, в силу преобладания небольших домов в средневековом Хорезме пока археологически слабо выявляются жилища, подобные южноузбекским *хаули* второго типа с их характерной планировкой. В то же время известно, что дома с внутренним членением на две части уже существовали в VII—VIII вв. Вспомним усадьбу № 136 в Беркут-Калинском оазисе. Несколько подобных ей синхронных построек обнаружены в соседних районах. К сожалению, они не раскопаны и назначение комнат точно не установлено.

В связи с историей крупных хаули большой интерес представляют раскопки обширного дома в уже упоминавшемся поселении близ Замахшара (рис. 2). Это постройка величиной 26×27 м. Самой яркой особенностью ее планировки является отчетливо выраженное членение на две половины проходящей посредине дома стенкой. Единственная дверка у самого края этой стены соединяла часть комнат одной половины с изолированным комплексом другой. Южная, видимо жилая, половина состоит из трех двухкомнатных секций и одной более крупной, также жилой ячейки. Двухкомнатные секции единообразны, или, используя современную терминологию, построены «по единому типовому проекту». Одна из комнат каждой секции была жилой, с керамическим или сделанным из талька круглым очагом для приготовления пищи, а другая — кладовой, где продукты хранились в больших кувшинах и в ямах. Более

¹⁰ В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 106.

¹¹ Подробнее см.: Е. Е. Нерзик, Указ. раб., стр. 112—120.

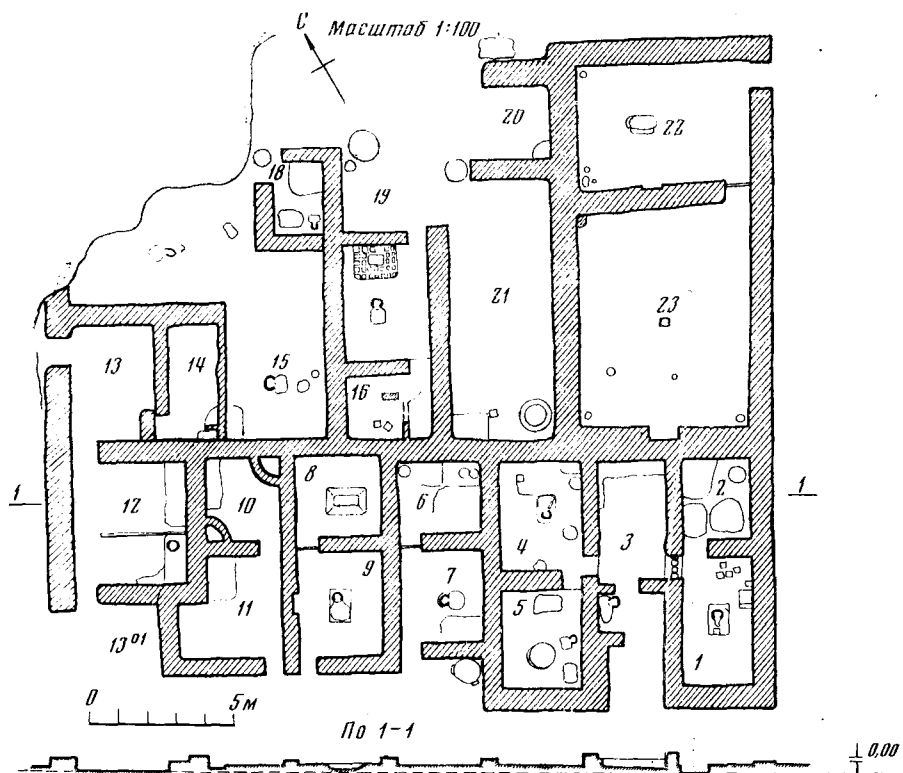

Рис. 2. Дом XII — начала XIII в. в поселении близ Замахшара. (Цифрами обозначены номера комнат).

крупная жилая ячейка имела центральный коридор и четыре комнаты, располагавшиеся попарно в каждой половине. По существу, это тот же описанный выше тип дома для небольшой семьи, но включенный как органическая часть в состав более крупной жилой постройки. Одна из комнат этой ячейки была жилой с обычным кухонным очагом, две — кладовыми для хранения продуктов и одна была предназначена для отдыха: в ней был переносный отопительный очаг. Другая половина дома также разграничена параллельными стенками на двух-трехкомнатные секции, но помещения здесь очень велики — 40—50 м². Назначение их угадывается с трудом, так как они лишены какой-либо «мебели», а слой, накопившийся над полом, совершенно стерилен и очень невелик. Можно предположить, что это и внутренние дворики и комнаты для хранения какой-либо хозяйственной утвари. Здесь же находилась трехкомнатная секция, отделанная гораздо богаче аналогичных секций южной половины дома. Очаг и *ташна* в ней облицованы обожженными кирпичами, кое-где обожженными кирпичами выложен пол. Находка прекрасного поливного люстрового сосуда, скорее всего привозного, усиливает впечатление парадности этих комнат. Вероятно, эта секция была *михман-ханой*. В описываемой половине обнаружено несколько кладовых с многочисленными ямами в полу.

Нам кажется несомненным, что этот дом был разделен на жилую и, вероятно, хозяйственную части. Его планировка заставляет вспомнить описание дома хивинцев, данное М. И. Иваниним, посетившим Хивинское ханство в середине прошлого столетия. По его словам, «каждый хозяин вокруг своего двора делает глиняную стену или вал толщиной 1 саж., а вышиной 1, 2 саж. и более. Двор бывает разгорожен надвое: в передней части, т. е. в примыкающей к дороге или к каналу, устраива-

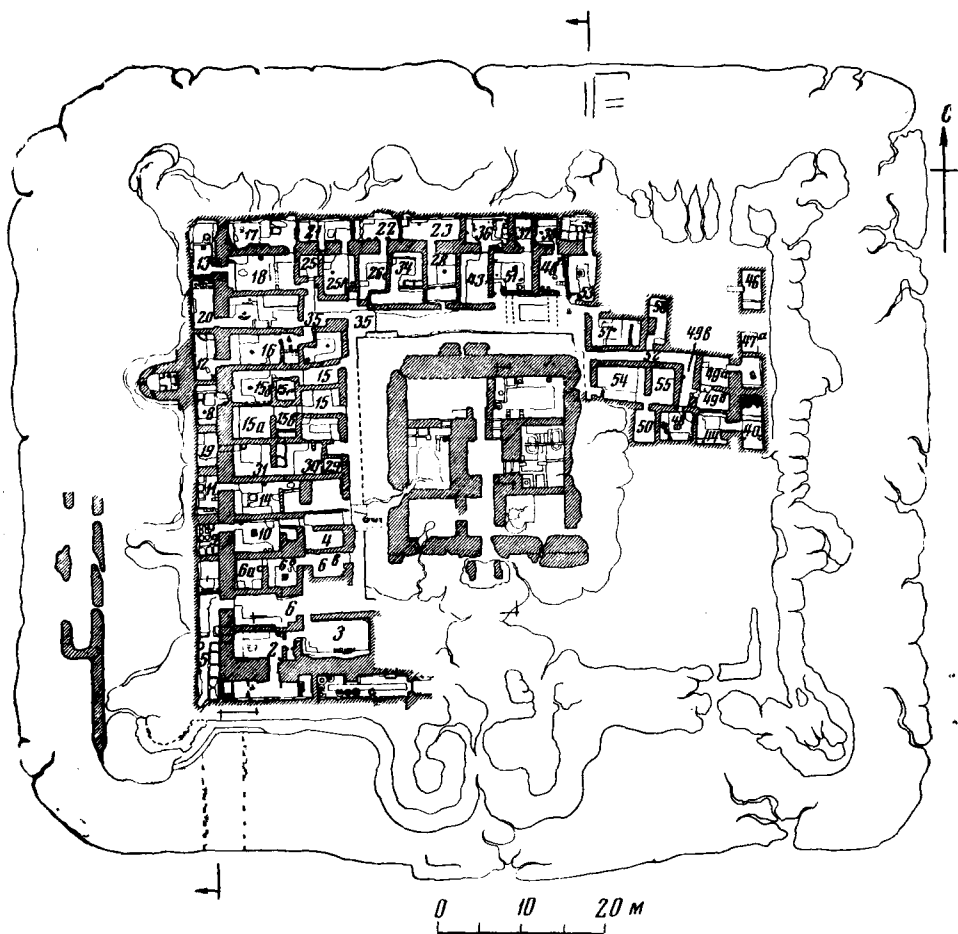

Рис. 3. Раннесредневековый хорезмский замок Якке-Парсан. (Цифрами обозначены номера комнат).

ется дом для гостей, конюшня, сарай, помещаются скот и повозки. В заднем строится дом для хозяина и жен его, кладовые или, если место высоко, то роются ямы для складки зернового хлеба»¹².

В последней фразе перечислены все те элементы, которые мы видели в южной половине дома. Кстати, она тоже является «задней»: к каналу, русло которого зафиксировано рядом с домом, обращена его северная половина. Вероятно, М. И. Иванин описал жилище состоятельной семьи, поскольку он упоминает жен хозяина дома, а возможность иметь несколько жен, как известно, являлась прерогативой богатых людей. Наличие разноплановых жилых ячеек, жилых секций, поставленных в один ряд, сближает замахшарский дом, с одной стороны, с жилищами больших состоятельных семей типа упоминавшейся выше семьи Максумляр, а с другой стороны, с жилищем хорезмского феодала VII—VIII вв. — замком Якке-Парсан, хотя, конечно, замахшарская постройка гораздо скромнее (рис. 3). В самом деле, уже в Якке-Парсане мы наблюдаем те же основные элементы композиции, что и в перечисленных выше постройках: трехкомнатные секции, состоявшие из жилого и складского помещений и, может быть, *айвана*; жилой дом с центральным коридором, только многокомнатный в отличие от замахшарского, но

¹² М. И. Иванин, Сведения о Хивинском ханстве, «Журнал мануфактуры и торговли», 1843, № 4, стр. 111.

Рис. 4. Башня в хаули Авез-Макрама близ Хивы.

также органически входивший в общую застройку; обширные залы или внутренние дворики. В то же время расположение всех этих элементов во всех случаях различно. В Якке-Парсане застройка огромного дома-массива, каким был замок, лимитировалась крепостными сооружениями: мощными стенами с оборонительными башнями и жилой башней-донжоном, узкое пространство между которыми и отводилось под застройку.

Нельзя не сравнить донжон, мощно высящийся на огромном пахсовом цоколе, над жилыми и хозяйственными комплексами, с любопытными башнями, обнаруженными в загородных хивинских постройках, например в хаули Авез-Макрама¹³ (рис 4). Эти башни очень похожи на раннесредневековые донжоны своими очертаниями, конструкцией, а также расположением в системе общей планировки усадьбы. Однако в стенах одной из комнат каждой из этих башен имеются многочисленные мелкие нишки, имевшие декоративное значение, что вызывает ассоциации уже с другими постройками — *каптар-хана* (буквально — голубятня) сельских усадеб Хорезма XII—XIII вв. Впрочем, полагают, что каптар-хана в архитектурном отношении прямо продолжают донжоны VII—VIII вв. и, следовательно, в появлении в XIX—XX вв. таких «гибридов», как хивинские башни, нет ничего удивительного. Добавим, кстати, что донжон Якке-Парсана представляет ту же центрического плана ячейку, которая в разных сочетаниях повторяется в крупных загородных сельских комплексах и хаули состоятельных людей в Хивинском оазисе. Центрическая планировка была столь широко распространена в разные времена на Востоке, что на этом не стоит специально останавливаться, достаточно вспомнить скромные месопотамские жилые постройки с внутренним двориком¹⁴ и обширные дворцы, такие как сасанидский дворец в Фирузабаде¹⁵ или гораздо более поздний Таш-Хаули в Хиве¹⁶,

¹³ На эти своеобразные сооружения наше внимание обратил Г. П. Снесарев; мы пользуемся случаем принести ему свою искреннюю признательность.

¹⁴ F. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos*, Paris, 1926, p. 20; C. Woolley, *Excavations at Ur*, 1930—31, «The Antiquaries Journal», vol. XI, № 4, 1931, p. 360—362 и др.

¹⁵ O. Reuther, *Sasanian architecture*, «Survey of Persian Art», v. I, London — New York, 1938, p. 535, fig. 150.

¹⁶ В. А. Лавров, Указ. раб., стр. 126, рис. 240.

средневековые феодальные замки XII—XIII вв. или такие общественные сооружения, как *медресе*, *караван-сарай*, *ханак* (помещение для молений)¹⁷.

Четкое членение замахшарского дома на две половины дает основание сравнить его и с южнохивинскими большесемейными *хаули* второго типа, широко распространенными в XIX — начале XX в. Сходство между этими двумя сооружениями — в членении на две половины и в наличии жилой ячейки с центральным коридором. В остальном они несопоставимы. Прежде всего, совершенно различна композиция обеих половин сравниваемых зданий: в жилой половине замахшарского дома, которую можно рассматривать как прообраз *ичан-хаули*, секции расположены не по осевой системе, а в ряд. В другой половине, которую можно предположительно сопоставлять с *дечан-хаули*, отсутствует *далан* (крытый проезд и большой коридор), столь обычный для рассматриваемых хорезмских *хаули*. Застройка слитная, также секционная, в то время как в *дечан-хаули* помещения зачастую расположены произвольно¹⁸. Большую площадь там занимали скотный двор, конюшня и прочие хозяйственные помещения, соединенные одной крышей с жильем. Даже в небольших жилищах узбеков южного Хорезма конюшня и помещения для скота включались в общую систему и объединялись с остальными комнатами общим коридором. В то же время мы пока не имеем основания предполагать такое соединение в обследованных нами средневековых постройках — мелких и крупных, в том числе и в замахшарском доме. Лишь в некоторых домах XII—XIV вв., например в окрестностях Шехрлика (рис. 1, М), можно усмотреть помещение для скота, которое располагалось сбоку, изолированно от жилья, с отдельным выходом. Но чаще всего для скота предназначались отдельные постройки. При этом следует учитывать, что район Шехрлика, который мы привели в пример, находился в совершенно иных географических условиях, чем ядро Хорезмского оазиса; там в хозяйстве населения большее значение имело скотоводство. Возможно также, что население там состояло из полуоседлых в недавнем прошлом групп, роль которых в истории Хорезма всегда была значительной. Широко распространенными были поселения разбросанного типа, постройки обычно располагались группами, причем каждая из них выглядела отдельным небольшим хутором, иногда довольно далеко отстоявшим от соседнего. Эта особенность зафиксирована на всей территории левобережного Хорезма, но в оазисах, расположенных ближе к центральным районам страны (т. е. в современной культурной зоне), поселения такого типа становятся компактнее, хотя и в них можно различить отдельные группы построек.

Вернемся, однако, к помещениям для скота. Хорошо известно, что в истории поселений земледельцев (да и полуоседлых скотоводческих племен по мере их оседания) вне зависимости от местожительства прослеживается тенденция изолировать помещения для скота от жилья. Если на ранних стадиях развития жилища скот помещался там же, где и хозяева дома, то по мере усвершенствования жилища место для скота отделялось перегородкой, на следующем этапе для скота делалась пристройка сначала с общим входом, а затем с отдельным. Наконец, у

¹⁷ В. А. Лавров, Указ. раб., стр. 86—89, 140, 141.

¹⁸ Несколько большее сходство с рассматриваемым типом южнохорезмских *хаули* наблюдается в одном из раскопанных в последние годы в Кават-Калинском оазисе крупном по размерам (50×25 м) жилище с отчетливо прослеживающимся делением на две части, вытянутые по продольной оси. Одна из них представляет собой хорошо известную жилую ячейку с центральным коридором. В примыкавшей к ней слитной застройке выделяется большой зал, двор и ряд жилых и хозяйственных помещений. Однако подобия *дечан-хаули* нет и в этом случае.

наиболее состоятельных хозяев появлялись отдельные постройки для скота¹⁹.

В то же время в истории хорезмского жилища пока нет данных о таком прямом развитии. Если в XII—XIV вв. в ряде селений зафиксированы пристройки к дому или отдельные постройки для скота, то в XIX—начале XX в. помещения для скота объединены с жильем общей кровлей, составляя единый организм. Не в необходимости ли такого объединения кроется одна из причин появления жилищ типа южнохорезмских большесемейных *хаули*? Другой причиной было новое укрупнение семей, которое, вероятно, произошло позже XII—XIV вв., когда жилища, подобные рассматриваемым *хаули*, были мало распространены.

В XV—XIX вв. на территории Хорезмского оазиса появились узбеки Дештикипчакских степей, начались бесконечные междоусобные распри внутри государства, борьба узбеков и туркмен. С оседанием туркмен в исконно земледельческих оазисах связано разорение многих прежде цветущих областей Хорезма и определенный упадок культуры. В этот период усиливается кочевническо-скотоводческое направление хозяйства, при этом полагают, что большую часть страны в XVI—XVII вв. составляли кочевники-скотоводы, главным образом туркмены²⁰. Даже земледельческое население вело полукочевой образ жизни. По словам Абульгази, «из города люди кочуют в летнее время по степи»²¹. Воспринимая более высокую культуру аборигенов, пришельцы могли привить им и некоторые свои традиции. Тревожные времена вызывали стремление обезопасить себя и свое хозяйство от внезапных разорительных набегов. Упадок экономики должен был способствовать реставрации больших патриархальных семей, ибо так легче было просуществовать. Вышеуказанные обстоятельства могли привести к формированию крупных укрепленных *хаули*, где жилые и хозяйственные постройки подведены под одну крышу и окружены крепкой глинобитной стеной. Но, как мы уже видели, эти *хаули* создавались на основе задолго перед тем сложившихся строительных традиций. Большесемейные *хаули* узбеков южного Хорезма, несомненно, свидетельствуют о высокой строительной культуре их создателей.

Мы попытались проследить на более широком материале, чем это можно было сделать раньше, преемственность архитектурных традиций в народном зодчестве Хорезма и выявить древние прототипы существующих ныне жилищ. Из приведенных в статье материалов ясно, что истоки основных планировочно-композиционных идей, положенных в основу народного строительства, уходят в эпоху раннего средневековья. Уже к XII в. складывается тот тип дома, который в измененном виде бытует и теперь.

Мы ограничились рамками Хорезма, так как хорезмское жилище глубоко своеобразно и не имеет прямых аналогий в сопредельных областях. Однако это, конечно, не означает, что оно развивалось совершенно изолированно, но сходные черты хорезмских построек и построек соседних областей прежде всего выявляются в архитектуре сложных дворцовых сооружений или вообще крупных по размеру зданий в городском жилище. Сельские постройки, особенно жилища рядовой семьи, гораздо меньше подвержены влияниям извне и несут на себе печать своеобразия, являясь наиболее ярким и полным отражением местных национальных традиций.

¹⁹ «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М., 1968, стр. 83, 116, 122 и др.; Н. Г. Б о р о з н а, Узбеки-дурмены долины Кафирнигана и Бабатага, «История материальной культуры народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 110; В. А. Л а в р о в, Указ. раб., стр. 131, 133.

²⁰ «История народов Узбекистана», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 424.

²¹ Там же.

ON THE HISTORY OF THE KHOREZM RURAL HABITATION

Many years of activity of the Khorezm archaeological-ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences have resulted in the accumulation of vast material which permits us to trace the history of the formation of the South Uzbek Khorezm rural dwelling beginning with the VII—VIII centuries. In the XII—beginning of the XIII centuries the main dwelling nucleus was formed with a central corridor and a store room (*telek*) on the upper storey; this became a component of the most widespread type of the South Uzbek extended family dwelling (*khauli*). However the *khauli* themselves with their characteristic division into an inner (*ichan-khauli*) and an outer (*dechan-khauli*) part are formed much later, not before the XVI—XVIII centuries, in connection with important changes in the social-economic and political life of the country.

An analysis of the peculiar features in the evolution of habitation and settlement planning in the course of many centuries have permitted the author to pose the problem of an uneven development of the family in Khorezm, of the possible resurrection at times of the extended family community and an important role of patronymic links over the whole of the period under research.

constructed. All these reconstructions, along with archaeological data on the ancient migrations, enabled the author to elaborate a general picture of climate changes in Central Asia. The climatic oscillation should be taken into consideration while studying the political and cultural history of this region.

B.I. Veinberg

© 1997 г., ЭО, № 1

Е.Е. Н е р а з и к

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ХОРЕЗМЕ

Первая характеристика раннесредневекового периода истории и культуры Хорезма IV–VIII вв. н.э. была дана С.П. Толстовым в 1948 году¹, и к моменту опубликования его последней обобщающей монографии "По древним дельтам Окса и Яксарта" претерпела не много изменений. Сравнительно небольшие в то время, но очень выразительные археологические материалы из Хорезма позволили ему определить IV–V вв. как время упадка экономики и культуры страны, городов и городских ремесел, сокращения ирригационной системы и орошаемых площадей. В классификации культур Хорезма периоду IV–V вв. было посвящено всего несколько строчек, так как ни одного памятника данного времени тогда еще раскопано не было.

В VII–VIII вв., согласно концепции С.П. Толстова, экономика страны постепенно стабилизируется, но уже на новой основе зарождающихся феодальных отношений. Культура резко меняется, особенно к концу периода, причем на ее развитие в значительной мере повлияло степное окружение. Именно в "варварских элементах" периферии Хорезма, по мнению исследователя, следует искать истоки ряда керамических форм и некоторых сооружений типа донжонов – жилых башен раннесредневековых замков².

Выводы С.П. Толстова нашли широкую поддержку исследователей древней истории Средней Азии в 50–60-х годах, а яркие хорезмийские материалы на фоне малого количества сведений о других среднеазиатских районах были приняты в качестве эталонных³.

В дальнейшем, особенно в 70–80-е годы, изучение археологических памятников Средней Азии IV–VIII вв. приобрело довольно широкий размах. Можно сказать, что интерес к исследованию данной эпохи заметно возрос, а масштабы раскопок сельских поселений и городов превысили степень изучения памятников других периодов – может быть, еще и потому, что монументальные постройки раннего средневековья гораздо лучше сохранились. Эти работы внесли много нового в представление о раннесредневековой Средней Азии и заметные коррективы в кратко очерченную выше концепцию. Особенно важны в данной связи раскопки Пенджикента, где вскрыто более двух третей всей площади. В свете документов с горы Муг они позволили многосторонне исследовать городское общество Согда, его структуру, взаимодействие с сельским населением, поставить вопросы о континуитете согдийского города и – шире – согдийской культуры⁴. Совершенно по-иному теперь открывается исследователям сам город, ранее представлявшийся совокупностью жилищ феодалов с их слугами, где якобы только еще зарождалась прослойка свободных ремесленников⁵. В общих типологиях сельских поселений Средней Азии IV–VIII вв. нашли отражение и хорезмийские данные, с трактовкой которых, впрочем, не всегда можно согласиться⁶.

Осмысление накопившегося материала разделило исследователей на сторонников и противников версии о кризисе IV–V вв.⁷, хотя, по нашему мнению, новые сведения отнюдь не поколебали утверждения, что в этот период произошел упадок многих

среднеазиатских городов, а изменения в области культуры были весьма заметны. Постепенно выявляемая специфика местного развития легла в основу неоднозначной трактовки причин данного упадка, иногда сводимой к внешним факторам.

Особой критике подвергся тезис С.П. Толстова о резком разрыве культурных традиций между двумя эпохами: "между античным периодом истории Средней Азии и раннесредневековым лежит пропасть"⁸. По мнению некоторых ученых (а с ними вполне можно согласиться), лишь малое количество сведений о IV–V вв. могло привести к подобному представлению. Теперь же, по мере накопления новых фактов, типичные для VI–VIII вв. формы культуры уже не кажутся появившимися внезапно, без связи с предшествовавшими⁹.

Важно отметить, что в отдельных районах Средней Азии, как будто бы намечается стабильность расселения и типов поселений на протяжении поздней античности¹⁰ и раннего средневековья¹¹. Если в дальнейшем это наблюдение подтвердится, то оно может иметь важное значение для исследования внутренних процессов, развивавшихся в обществе в рассматриваемое время.

Продолжавшиеся раскопки археологических памятников Хорезма значительно расширили сложившееся ранее представление о раннем средневековье в стране, прежде всего о культуре населения. В результате исследования верхних слоев городища Топрак-кала появились интересные данные по спорной проблеме – о кризисе в IV–V вв. Не меньшее значение имеют раскопки комплекса построек V–VIII вв. близ крепости Аяз-кала 2 и в Якке-Парсанском оазисе (пока еще не получившие подробного освещения в печати), где полностью вскрыты несколько усадеб, небольшой храм и дворец хорезмшахов. И, таким образом, впервые оказалось возможным достаточно разносторонне охарактеризовать наименее изученный ранее "смутный период" IV–V вв. Обобщению этих новых материалов на фоне уже имевшихся сведений и посвящается данная статья. С учетом вышеуказанных разногласий мы постараемся остановиться и на вопросе культурной преемственности в эпоху хорезмийского раннего средневековья.

Сведения о Хорезме времени до арабских походов содержатся только у Бируни. Он сообщает: «...Наконец воцарился Африг – а он был одним из потомков Кейхусрау – и хорезмийцы видели в его воцарении дурное предзнаменование так же, как персы считали зловещим воцарение Ездегерда – "Греховодника"... И построил Африг себе дворец над ал-Фиром в 616 году по эре Александра. От его царствования и от царствования его детей стали считать годы»¹². Эти строки великого хорезмийского ученого доносят до нас весть о двух важных моментах в истории страны: становлении новой династии, получившей в литературе название афригидской по имени ее основателя, и начала с его воцарения новой эры. Теперь, после открытия и дешифровки хорезмийских документов из дворца Топрак-калы (II–III вв.) и надписей на токалинских оссуариях (VII–VIII вв.), установлено, что Бируни ошибался, поскольку примерно с середины I в.н.э. в Хорезме фиксируется одна эра¹³. Но новая династия, видимо, действительно стала править с начала IV в., ибо в это время был заброшен грандиозный дворец хорезмшахов, ныне известный под названием Топрак-кала, а резиденция хорезмшахов была перенесена, как сказано, в ал-Фир, тогдашнюю столицу Хорезма. Если же учесть гипотезу о Топрак-кале как об огромном династийном культовом центре государства¹⁴, то следует задуматься о причинах ее оставления. Однако имя родоначальника новой династии – Африг – пока не прочитано на монетах; ближе всего по написанию, по мнению В.А. Лившица, имя Бравик¹⁵, и не исключено, что это один и тот же царь.

Представителю новой династии пришлось столкнуться с явлениями децентрализации в стране и явными сепаратистскими тенденциями отдельных мелких правителей, чеканивших с конца III в. свою медную монету¹⁶. Жестокое подавление этих стремлений и оставило, по мнению С.П. Толстого, зловещую тень Африга в памяти потомков¹⁷. К тому же ему и его ближайшим преемникам приходилось править в условиях нависшей опасности внешних завоеваний и вторжений иноэтничного населения.

Согласно Табари, первый представитель династии Сасанидов в Иране Арташир I захватил Балх, Мерв, Хорезм – "районы крайних пределов Хорасана"¹⁸. В сирийской "Хронике Арбелы" сообщается, что в первый год правления следующего сасанидского царя Шапура I "была у него война с хорезмийцами"¹⁹. В. Хеннинг связывает оставление Топрак-калы именно с походами Сасанидов, разбивших хорезмийцев: "С той поры нет больше хорезмийских монет вплоть до VII века, разложения Сасанидской империи"²⁰. Отметим в этой связи, что Б.И. Вайнберг действительно усматривает хронологический разрыв между двумя сериями хорезмийских монет, определенный ею в полтора столетия или даже больше²¹. В полном согласии с В. Хеннингом В.А. Лившиц объясняет этот разрыв захватом Хорезма Сасанидами²². Стены некоторых городов Хорезма конца III – начала IV в. и в самом деле хранят следы военного разгрома. В них обнаружены огромные проломы, которые могли оставить только стенобитные машины, а не, например, набеги кочевников. В слоях Куня-Уаза, погибших в огне пожаров, найдены монеты Шапура I. Однако следует согласиться с мнением тех исследователей, которые считают персидское завоевание актом кратковременным. Так, в отличие от более южных районов Средней Азии здесь нет монет, чеканившихся сасанидскими принцами, правителями завоеванных областей. Думается, что перерыв в хорезмийской чеканке не был столь велик, поскольку могут быть уточнены даты одной из серии монет, отнесенных ориентировочно к началу VII в. н.э.²³.

Одновременно на севере и северо-востоке Хорезма, в степях Приаралья – Прикаспия также развивались важные события, частично нашедшие отражение в китайских хрониках. Хоуханышу сообщает о переименовании области Яньцай, располагавшейся по мнению большинства исследователей, в северо-восточном Приаралье, в Аланья²⁴. Это письменное свидетельство широкого расселения алан на данной территории. Около 370 г. сопротивление алан сломили гунны, орды которых продвигались на запад. По ходу движения часть из них оседала в приуральско-прикаспийских степях, понав в среду угров, переместившихся сюда из районов верхней Оби и Иртыша под натиском более восточных племен, как это обстоятельно показал М.И. Артамонов²⁵.

В этом этнически пестром, несколькими волнами прокатившемся по степям потоке оказались и гаогуй, предки уйгуров, сложившихся, как полагают, в результате смешения южносибирских древнеугорских племен динлинов с гуннами²⁶. Очередные изменения в восточном Приаралье в эту пору отразило новое переименование древней области Яньцай в Судэ²⁷. Есть мнение, что в гуннах (хуннах китайских источников), захвативших данную территорию, и в их правителе Хуни следует видеть хионитов, которых мы считаем племенами, родственными гаогуй²⁸.

"Великое переселение народов" затронуло и Хорезм, найдя отражение в археологических и антропологических материалах. Так, в верхних слоях городищ Куня-Уаз и Канга-кала появились необычные для хорезмийцев захоронения предварительно очищенных костей в травяных гнездах на полу местных святилищ, сопровождавшиеся погребальными масками и статуями. В свое время мы подробно останавливались на их рассмотрении, доказывая связь этих погребений с таштыкскими склепами и хионитским погребальным обрядом, как он описан Аммианом Марцеллином²⁹. Не останавливаясь поэтому на далеком от решения вопросе о родине хионитов и их происхождении, повторим лишь, что появление "хуннов" в Судэ, необычных погребений в Левобережном Хорезме и сражения хионитов с Сасанидами в юго-восточном Прикаспии в 347–358 гг., о которых сообщает Аммиан Марцеллин, кажутся нам звеньями одной цепи³⁰.

Проникновение пришлых этнических групп на территорию Хорезма в IV–V вв. засвидетельствовано и антропологическими материалами. Череп из Куня-Уаза и Канга-калы рассматриваются как метисированные европеоидные с примесью дальневосточного монголоидного типа. По первоначальному определению Т.А. Трофимо-

вой, они сближаются с угорским населением (ханты и манси)³¹, что вполне отвечает вышеприведенным сопоставлениям погребального обряда.

В одном из помещений заброшенного дворца Топрак-калы найден череп, датированный IV–V вв. и отнесенный к метисированному уральскому типу³². Для всех черепов этого времени характерна кольцевая деформация, в то время как в предшествующий период хорезмийцы применяли затылочно-теменную³³. С чем связано изменение данного обычая, сказать трудно, но оно включило Хорезм в широкую область распространения кольцевой деформации: аланы – северо-восточное Приаралье (урочище Джеты-асары)³⁴. Думается, однако, что приток чужеземных элементов не носил массового характера: таковой мог быть только на окраинах страны³⁵. Скорее, это были вкрапления в этнически однородный хорезмийский массив, влияющие тем не менее на формирование антропологического типа населения и его культуру.

Большие изменения происходят в IV–V вв. и на периферии страны, в среде скотоводческого населения. Исследования курганных могильников показали, что в IV–V вв. их число значительно уменьшается, и, видимо, сильно падает плотность скотоводческого населения, окружавшего Хорезм.

Немногочисленные могильники IV–V вв. наряду с прежними характеризуют и новые черты погребальной обрядности: появляются трупосожжения, отсутствовавшие здесь в первые века н.э.³⁵. Особый интерес представляет обширный курганный некрополь Чаш-тепе, открытый Хорезмской экспедицией на оконечности одного из мысов Устюрта. Такие его особенности, как трупосожжение на стороне, обширные ограды для совершения погребальных ритуалов и трапез, насыпи в виде "вихревых свастики", необычны, как отметил Ю.А. Рапопорт, для курганных захоронений первых веков н.э. и обрядов хорезмийцев. А подобные трупосожжения обычно связывают с перемещениями гуннов³⁶.

Думается, что кратко рассмотренные выше события внешнеполитической истории Хорезма сами по себе, без учета последствий внутриэкономического развития, могли вызвать то кризисное состояние, о котором писал С.П. Толстов, имея в виду упадок городов и ремесел, сокращение орошаемых площадей и т.д.³⁷.

В свете этих событий привлекают внимание два обстоятельства: нарушение системы государственных укреплений для защиты оазисов Правобережного Хорезма и налаженного веками традиционного взаимодействия земледельцев Хорезма и скотоводов его периферии. Последнее обстоятельство особенно существенно ввиду узости обмена между городом и деревней античного периода и в связи с этим, важной роли торговых связей с кочевниками. Большие масштабы керамического производства первых веков н.э. и более раннего времени, открытого на юго-западной окраине государства и работавшего на потребу скотоводов, – яркое тому свидетельство³⁸. В IV–V вв. оно полностью перестает функционировать, и одно это, по нашему мнению, могло иметь тяжелые последствия для Хорезма. Добавим, что завоевания и этнические перемещения рассматриваются как фактор, способствующий перераспределению земельной собственности и становлению ранних форм феодальных отношений³⁹. Другим, важнейшим из таких факторов, является распад общинного землевладения, и судить об этом в отсутствие прямых сведений письменных источников в какой-то мере позволяют археологические материалы, главным образом исследование поселений и жилищ.

Выше приводились наблюдения о возможном сходстве расселения и типов построек в Согде V–VIII вв. с известными здесь в античную пору. Оно определяется так называемым "тепе с площадкой" и укрепленными усадьбами; существовали и античные поселения с цитаделью⁴⁰. Однако сходство может быть чисто внешним; широкие раскопки для уточнения планировки этих памятников еще впереди.

В Хорезме динамика типов сельских поселений хорошо просматривается в Беркут-калинском оазисе, где друг на друга "накладываются" остатки разных эпох. Удалось установить, что в первые века н.э. вдоль канала на определенном расстоянии друг от

Рис. 1. Якке-Парсан. Аэрофото

друга стояли разной величины, но сходного облика укрепления, являвшиеся центрами сельской округи. Обычно квадратной формы, они имели башни по углам и вдоль стен и укрепленный вход⁴¹. Существовали и поселения рассредоточенного типа без подобного центра⁴². В IV – может быть начале V в. такое расселение сохраняется (Турпак-калинское поселение в Левобережном Хорезме; Ангка-калинское в Правобережном)⁴³. В IV в. уже существовал Якке-Парсан, построенный по типу античных крепостей и подобный Ангка-кале, но вместо прямоугольных снабженный овальными башнями⁴⁴ (рис. 1). На протяжении конца V – начала VI в. облик Беркут-калинского оазиса меняется. Неукрепленные жилища еще существуют, но они малочисленны, и теперь широко распространяются обведенные толстой нахсовой стеной усадьбы и поселения с входом, фланкированным двумя башнями или с Г-образным укреплением. Скорее всего, были и укрепленные усадьбы с башнями наподобие вышеописанных: по крайней мере так выглядела Тешик-кала, еще не имевшая донжона и датированная ориентировочно VI в.⁴⁵. К сожалению, нет твердых данных о строительстве в это время зданий типа кешков-донжонов со сводчатым нижним этажом. Они встречаются в виде отдельно стоявших построек в Беркут-калинском оазисе, но их дата с точностью не установлена. С этой точки зрения большой интерес представляет дальнейшее исследование поселения городского типа близ Аяз-калы 2, в плотную застройку которого

вкраплены многокомнатные здания. В каждом из них была возвышенная двухэтажная часть, которая походила на небольшой донжон со сводчатыми помещениями в нижнем этаже, еще не выделенный в качестве самостоятельного объема. По находкам очень характерной керамики эти здания датируются концом V – началом VI в.

Если всеобщее укрепление поселений в Беркут-калинском оазисе можно было бы объяснить напряженной обстановкой в стране, то разнообразие построек и появление сооружений типа указанных кешков предполагает, видимо, расслоение земледельческой общины. Не скрывается ли за этим тот же факт, который фиксируется по другим материалам (например, в Иране), – выделение слоя землевладельцев-дихканов из деревенской верхушки?⁴⁶ Но как бы то ни было, вне всяких сомнений остается другой факт – массовое строительство донжонов на высоких цоколях на рубеже VII–VIII вв. Характерный новый силуэт сельского пейзажа в эти столетия – замки с мощным паховым цоколем, соединявшиеся перекидным мостиком с противоположащей башней, окруженные толстой паховой стеной и рвом. Они принципиально отличны от укрепленных усадеб предшествовавшего времени и близко напоминают каменные западноевропейские замки средневекового рыцарства. Их появление, несомненно, свидетельствует о больших переменах в строе общества. Если же учесть, что одновременно происходит превращение в замок и укрепление одних усадеб и упадок других, то это заключение, как нам кажется, приобретает важный дополнительный аргумент⁴⁷. Краткое упоминание Табари о князьях, дихканах и ученых (ахбар) Хорезма времени походов Кутейбы (712 г.)⁴⁸ дает представление о социальных категориях хорезмийского общества и в совокупности с данными нумизматики рисует картину того сословного строя, который существенно не отличался от согдийского, выявляющегося по документам с горы Мур⁴⁹.

В свете новых исследований несколько изменилось и суждение об истории городов Хорезма IV–VIII вв. Ранее сложилось впечатление, что на фоне общего упадка городской жизни в стране они росли у стен крупных замков или заново формировались в VII–VIII вв. на руинах старых городов. Однако полный упадок городской жизни оказался преувеличенным. Стерильных слоев, разделявших бы эпохи античности и конца раннего средневековья, нет ни в Хазараспе⁵⁰, ни в Хиве, а это большие города раннесредневекового Хорезма. Тем не менее какой-то кризис в IV–V вв. Хива переживала: ее крепостные сооружения были занесены песком. Очень важным кажется нам последующее появление там монументальных сооружений типа сельских донжонов⁵¹. Сходное явление зафиксировано в Согде, на городищах Дурмон и Афрасиаб, где в IV–V вв. произошло сокращение городской территории и за пределами новой стены также появились замки. По-видимому, это признаки какой-то перестановки сил, как и расценивают данные процессы исследователи этих городов⁵².

Раскопки комплекса построек возле Аяз-калы 2 привели к выводу о формировании на площади 20 га небольшого городка, где обнаружены остатки монументального крестообразного здания скорее всего общественного характера и разнородных построек, свидетельствующих о разном социальном статусе их обитателей (рис. 2). Город формировался возле дворца хорезмшахов (см. ниже), соединенного пандусом с крепостью Аяз-кала 2, которую следует рассматривать в качестве цитадели. Таким образом, это пример города, центральное ядро которого составляет "пара" в виде цитадели и дворца; такими были Варахша и Пенджикент в Согде⁵³. Полагают, что уже с глубокой древности подобное сочетание наблюдалось в Самарканде⁵⁴.

Попытавшись рассмотреть археологический материал в социальном аспекте, обратимся теперь к характеристике культуры раннесредневекового Хорезма. Уже первые раскопки слоев IV–V вв. открыли чрезвычайно своеобразный новый мир, во многом несходный с древним. Переход от слоя к слою городища Топрак-кала впервые позволил проследить нарастание изменений и общее огрубление культуры. Были открыты жилища, основной ячейкой которых являлось обширное помещение с двумя постаментами для колонн, сделанными из сырцовых кирпичей вместо традиционных

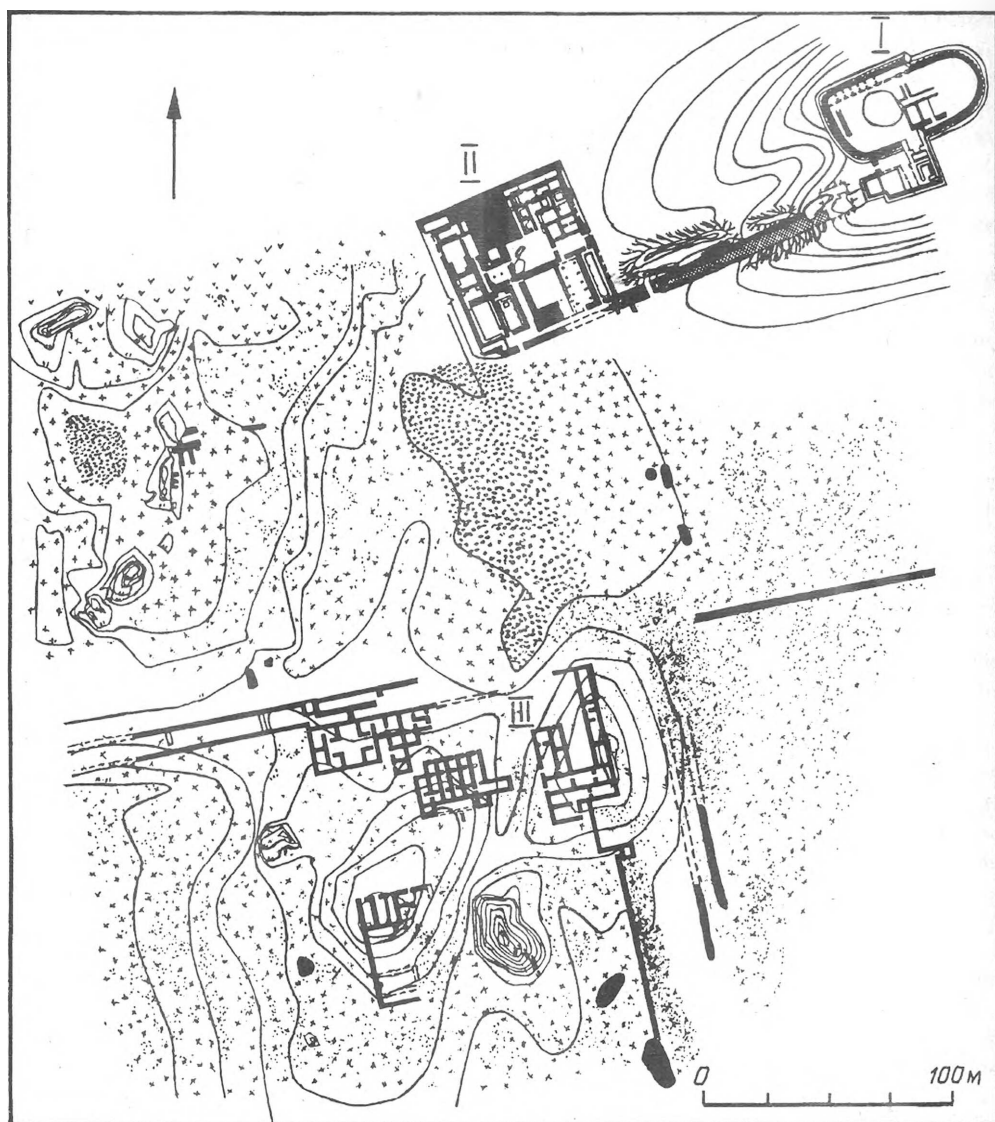

Рис. 2. План поселения возле Аяз-калы 2. Инструментальная съемка I – Аяз-кала 2; II – дворец; III – поселение

для хорезмийской античности каменных баз. Большую часть площади занимала угловая суфа с впущенным в нее очагом-тандыром, имевшим короткое поддувало. В дальнейшем этот тип жилищ не фиксируется; более того, он не находит подобия и в сельском жилище того времени.

Бытовые предметы, бронзовые и костяные туалетные ложечки, некоторые украшения уводят в мир алано-сарматских степей Приаралья-Прикаспия. В конце периода воззрения населения характеризуют находки глиняных идольчиков-оберегов в верхних слоях городища, а в "концентрированном виде" эти представления как нельзя лучше отражает храм, где объектом поклонения являлись рога горного барана-архара⁵⁵. Храм был построен не позже V в. внутри древнего священного участка,

некогда огражденного монументальной кирпичной стеной, а теперь – лишь тонкой пахсовой стенкой-дувалом. Поклоняясь фетишу, украшенному бронзовыми позолоченными пластинками, верующие складывали к его подножию свои более чем скромные подношения: цветные бусины, осколки стекла и бронзовых предметов, видимо, собранные тут же, на развалинах древних построек. Все это проявление довольно примитивного мира обитателей городка, несомненно, близкого миру степняков, где культ барана, мотив рога пережиточно сохранялись вплоть до недавнего времени⁵⁶.

В планировке самого храма с трудом узнаются принципы, положенные в основу более раннего храма, стоявшего тут же, на территории священного участка, значение которого, следовательно, было не забыто и в эту пору больших перемен. В архитектуре раннего храма (здание I) и открытого в жилом квартале небольшого святилища (помещения № IV₁–IV₃)⁵⁷ традиции древнего культового строительства Переднего Востока еще чувствуются в Хорезме. Однако на этом вопросе подробнее мы остановимся ниже.

Наиболее выразительным материалом для характеристики культуры VI–V вв. является керамика. С.П. Толстов, располагая в свое время еще очень незначительным подъемным материалом, сделал тем не менее правильное заключение о сохранении в IV в. традиции древней красноангобированной керамики⁵⁸. Однако он заблуждался, считая, что в V–VI вв. она сменяется исключительно лепной светлоангобированной. На самом деле лепная керамика в V в. преобладала лишь в сельских поселениях, видимо, в связи с упадком там гончарного ремесла, в то время как в первых веках во многих сельских поселениях было свое местное керамическое производство. В городах же, даже в таком небольшом, как Топрак-кала, пользовались преимущественно гончарной посудой, и лишь к концу V – началу VI в. там резко возрос процент лепной керамики, но это следует рассматривать как сугубо местное явление⁵⁹.

Касаясь ассортимента керамики, отметим, что в рассматриваемый период меняется традиционная на протяжении всей античности форма хумов, получают широкое распространение горшки и хумчи с высоким горлом, резко увеличивается число двуручных сосудов (в предшествующее время насчитывались единичные экземпляры), выходят из употребления кубки, бокалы, реже используются чаши. К концу периода одной из ведущих форм становятся лепные одноручные кружки и горшки. Некоторые виды посуды воспроизводят неместные образцы, характерные для районов средней Сырдарьи⁶⁰.

Таким образом, в керамике проявляются новые вкусы населения, в связи с этим упомянем находки сосудов из урочища Джеты-асар на нижней Сырдарье. Торговыми связями с этой областью объясняют находку фрагментов бронзового котла гунского типа в районе городища Наринджан в Правобережном Хорезме⁶¹. Однако джеты-асарцы пользовались глиняными и бронзовыми котлами другого типа. Бронзовые котлы с пышно украшенными ручками, подобные наринджанскому, считаются ритуальными. В таком случае следует задуматься о происхождении данной находки: скорее, она попала в Хорезм вместе с миграциями населения, чем в результате торгового обмена.

Однако нельзя сказать, что в IV–V вв. полностью иссякла хорезмийская керамическая традиция. Если бы были произведены раскопки больших хорезмийских городов, это мнение получило бы большее подтверждение. Но даже то немногое, что известно о керамике IV–V вв. из Хазараспа и Аязкалинского дворца⁶², предполагает и более широкий ассортимент посуды, и в массе своей лучше изготовленной. Все-таки при всех изменениях основой керамического комплекса данного времени являются формы посуды конца античного периода, хотя несколько видоизменившиеся.

Древние традиции помимо керамического производства проявлялись и в монументальном зодчестве Хорезма IV–V вв. – и жилом, и культовом. В результате работ 80-х годов появились первые сведения о дворцовой архитектуре. Раскопанный целиком Аязкалинский дворец (конец V – начало IV в.), о котором упоминалось

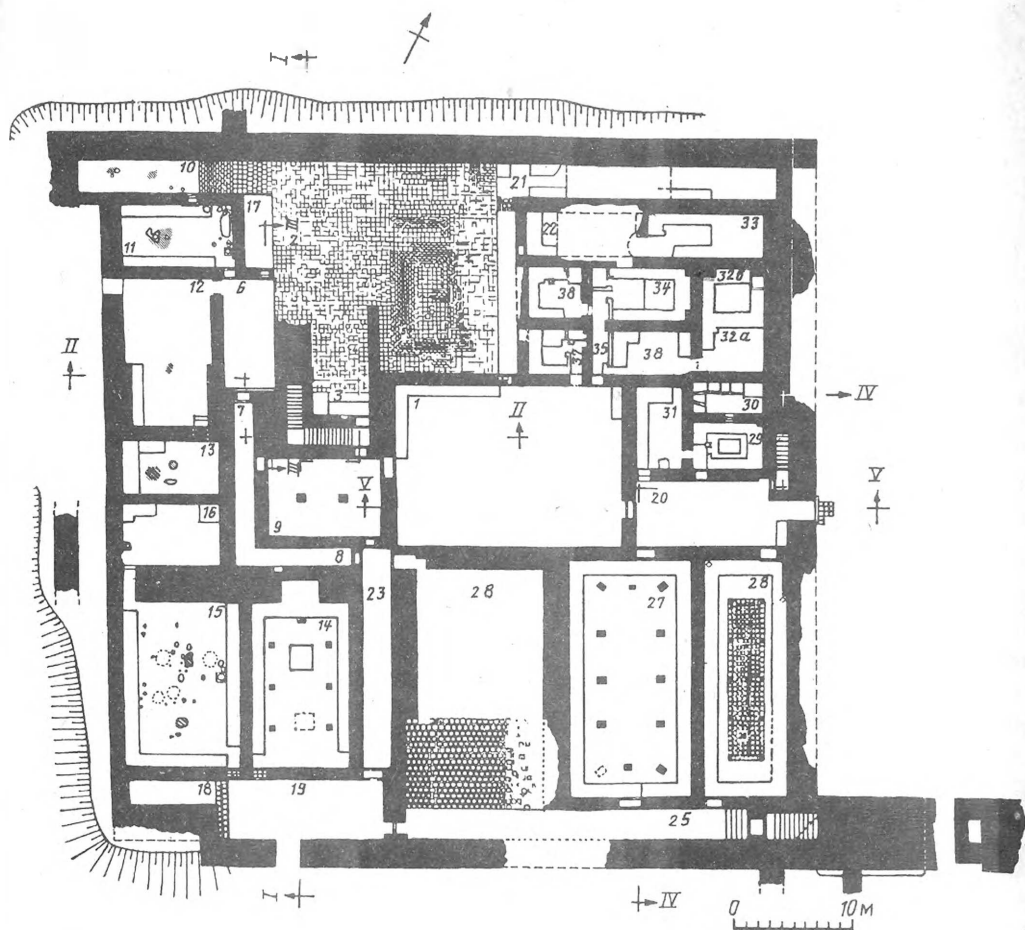

Рис. 3. Дворец хорезмшахов возле Аяз-калы 2. План. Цифрами обозначены номера помещений дворца

выше, представляет собой выстроенное из крупных квадратных кирпичей античного формата сооружение, не уступавшее по размерам (65×65 м) большинству известных нам раннесредневековых дворцов Средней Азии. Масштабы здания и его оформление (здесь обнаружены остатки многокрасочной живописи) позволяют считать его дворцом хорезмшахов. В архитектурно-планировочном отношении он отличается от более ранних дворцов на территории Хорезма (например, Калалы-гыр¹⁶³, Топрак-кала⁶⁴), но определенные традиции древнего зодчества в нем вполне ощутимы. Так, во всех перечисленных постройках помещения группировались вокруг большого внутреннего двора или зала, хотя и необязательно являвшегося геометрическим центром плана. Внешний абрис дворцов тяготеет к квадрату (рис. 3). В числе помещений имеются залы с колоннами, причем базы колонн в основном представляют тип, традиционный для хорезмийской древности. Впрочем, наряду с такими базами в Аязкалинском дворце были и каменные плоские, четырехугольные. Наблюдается сходство и в отдельных деталях планировки, например в использовании дворово-айванной композиции – в камерном варианте в Аязкалинском дворце в отличие от больших масштабов Топрак-калы.

Вместе с тем в расположении больших залов, поставленных в один ряд, выделении возвышенного объема парадных помещений, поднятых на цоколь, в планировке культового комплекса дворца уже прослеживаются черты среднеазиатской архитектуры раннего средневековья⁶⁵.

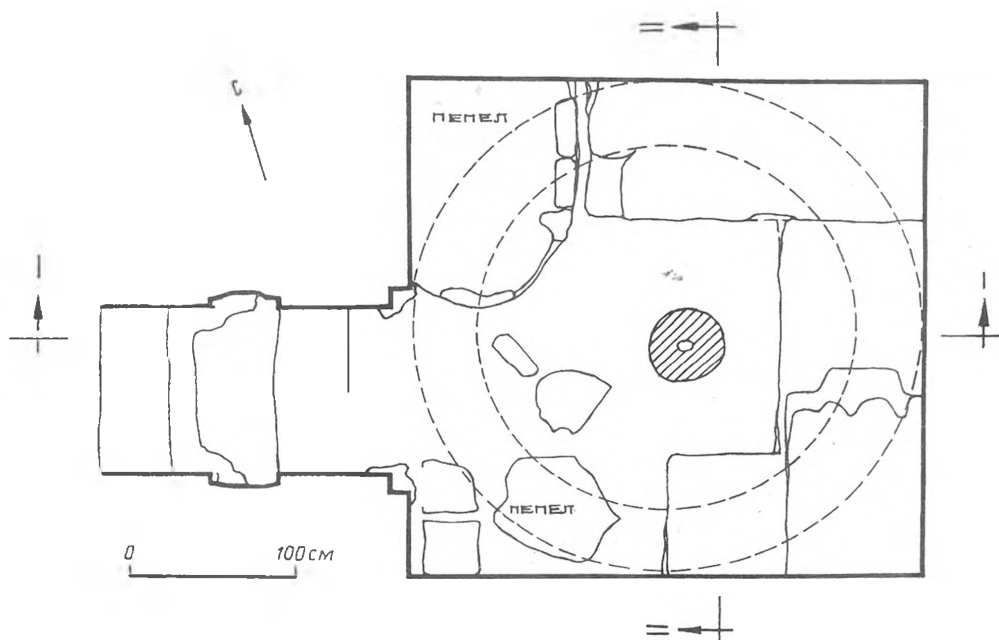

Рис. 4. Храм в Якке-Парсанском оазисе. План

Центром упомянутого культового комплекса, занимавшего юго-западный угол здания (помещения № 14–19) являлись два поставленных рядом, но несообщавшихся больших помещения с суфами вдоль стен, в одном из которых на кирпичном подиуме-алтаре горел ритуальный огонь. Другое же помещение (№ 15) хранило следы каких-то ритуальных действий и ритуальных трапез. В комплекс входило также помещение № 16 с очагом (кухня?), "вестибюль" и маленькое помещение (№ 18), очень таинственное, в какой-то момент замурованное двумя рядами кирпичной кладки. Поскольку данный комплекс сопоставим с домашними святилищами огня Согда и Чача⁶⁶ (а сходство усиливается благодаря Г-образному коридору, охватывавшему комплекс с двух сторон), можно было бы предположить, что здесь – место хранения неугасимого священного огня. Однако следов длительного горения нет, хотя слой сажи велик. Следует также учесть, что помещение осваивалось вторично, в послепожарный период, и его первоначальный облик в связи с этим мог измениться (рис. 4).

Нам кажется возможным в данной группе помещений видеть прообраз известных у таджиков позднейших алоу-хона – "домов огня", с которыми сравнивал С.П. Толстов открытую им на городище Джанбас-кала постройку первых веков н.э. Она также включала помещение с суфами вдоль стен и центральным кирпичным алтарем огня⁶⁷. Они рассматриваются как средоточие общественного культа и ритуальных трапез, а наличие помещения для подобных трапез сейчас установлено и для других культовых построек (например, так называемого дома № 5 в Турпак-калинском поселении)⁶⁸. О них писал Бируни, рассказывая о хорезмийских праздниках и согдийских доисламских "домах огня"⁶⁹.

Помимо культовых комплексов, включенных в городскую застройку или в жилые здания, известны и храмы, стоявшие в сельской местности. На одном из них остановимся подробнее. Установлено, что на месте позднейшего "замка № 2" в Якке-Парсанском оазисе существовала очень почитаемая святыня. В IV в. на ее территории было построено купольное здание⁷⁰ (рис. 5). Судя по совершенно отчетливому отпечатку жертвенника огня на полу и особенностям архитектуры, его следует считать храмом огня, сходным с открытым на Кугаит-тепе в Согде I–IV вв.⁷¹. В отличие от последнего, однако, нет ясных признаков обходного коридора, являвшегося, как

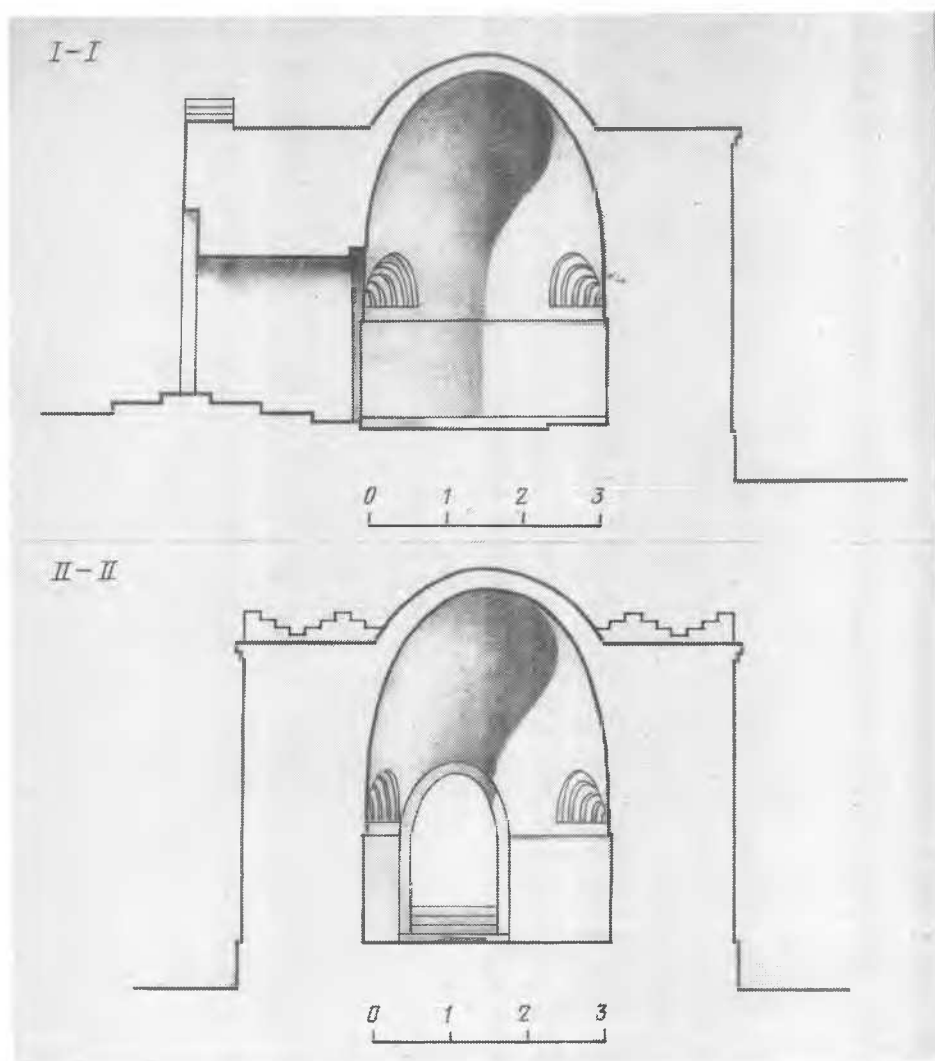

Рис. 5. Храм в Якке-Парсанском оазисе. Реконструкция по разрезам I и II

известно, одной из самых характерных черт древневосточных храмов огня⁷², хотя его существование и не исключается. Ритуальные действия, надо полагать, происходили на высокой пахсовой платформе, примыкавшей к одной из стен здания. А на площадку над куполом, судя по его прокаленности, мог выноситься алтарь с возжженным огнем, подобно ритуалу, известному на древнем Востоке⁷³ (рис. 6).

Представление о назначении здания дополняется находками терракотовых фигурок коней. В образе коня почиталось солнечное божество Митра, один из главных персонажей хорезмийского пантеона, культ которого, как полагают, мог сливаться с культом Сиявуша — легендарного предка хорезмийской династии⁷⁴.

Китайские источники и легенды, живущие в среднеазиатской среде, донесли до нас сведения о культе "божественного коня" и о доисламских храмах, где находилось его изображение. Предполагают, что один из таких храмов находился на островке близ Питняка в Хорезме⁷⁵. Не исключено также, что найденная при землеройных работах

Рис. 6. Храм в Якке-Парсанском оазисе. Видно прокаленное пятно от стоявшего на полу жертвенника огня

южнее Хивы большая глиняная фигура лошади, теперь хранящаяся в Музее искусств г. Нукуса, также ранее находилась в храме и, следовательно, подобные сооружения не были уникальными в раннесредневековом Хорезме.

В легенде о тохаристанском доисламском храме наряду с бронзовым изображением коня фигурируют вода и огонь⁷⁶, а это важные элементы, характеризующие древнюю святыню III в.н.э., на руинах которой построен храм с куполом. На ее территории открыт небольшой водоем и необычные очаги, явно не бытового назначения. Таким образом, рассматриваемая святыня связана с комплексом верований, восходящих к древности. В них слились поклонения огню и солнцу, сочетавшиеся с культом коня – жертвенного животного, еще саками и массагетами посвящавшегося солнцу. Сходные образы до недавнего времени проявлялись и в верованиях жителей Хорезмского оазиса – потомков древнего оседлоземледельческого населения⁷⁷.

Следовательно, даже на материалах незначительной части территории страны (хотя здесь, в Правобережном Хорезме, находилась ее столица), не имея по существу сведений о жизни больших городов, все-таки можно уловить следы древнехорезмийских культов IV–V вв. Добавим к этому оссуарный погребальный обряд – как

полагают, — одно из ярких проявлений верований, близких зороастризму⁷⁸. Но велики и перемены, прежде всего в формах оссуариев. В IV–V вв. совершенно исчезают антропоморфные костехранилища, заменяясь простыми глиняными ящичными. Наличие нескольких типов оссуариев свидетельствуют, видимо, об отсутствии в это время твердо выработанной их формы, распространившейся впоследствии⁷⁹. Заметная примета времени — захоронения в сосудах, количественно, кажется, преобладавшие. Исследователи ток-калинского некрополя в дельте Амударьи, в области Кердер, фиксируют в IV–VIII вв. одновременные захоронения в оссуариях и сосудах, связывая последние с нехорезмийским населением, отличавшимся и антропологически⁸⁰. Не исключено поэтому, что данный тип погребений получил распространение вследствие уже упомянутых выше этнических перемещений. Другое из возможных объяснений — упадок ремесел в IV–V вв., в том числе и изготовления оссуариев. Если для погребения костей в сосудах использовалась зачастую обыкновенная бытовая керамика, то оссуарии — дорогостоящий вид захоронений, доступный, очевидно, не каждому правоверному хорезмийцу.

Поразительно и отсутствие в рассматриваемый период антропоморфных терракот, столь распространенных в древности, когда даже на руинах сельских поселений они были частой находкой. Их исчезновение объясняется влиянием канонического зороастризма, запрещавшего изображения людей, причем это влияние связывается с последствиями походов первых Сасанидов на Хорезм⁸¹.

Итак, можно констатировать заметные изменения в культуре и этнической истории, антропологическом облике населения и, вероятно, в общественном строе Хорезма IV–V вв. Прослеживающиеся, несмотря на явления кризиса в стране, древние культурные традиции сочетаются с поисками нового в выработке интерьера жилищ, формы оссуариев и керамических сосудов и т.д. Конец V в. представляется нам известным рубежом в этом процессе, после которого в VIII вв. формируется так называемая афригидская культура Хорезма, внешне мало сходная с описанной выше.

В это время в культурно-политической ориентации страны первостепенное значение приобретает взаимодействие с областью Кердер в низовьях Амударьи, заселенной не позже VII в. выходцами из Восточного Приаралья⁸². В VIII в. крепнут связи с Хазарией, а появление на хорезмийских монетах согдийских надписей свидетельствует об участии Хорезма в общесреднеазиатском рынке, где большую посредническую роль играл Согд, организовывавший торговые фактории на международных трассах. Хорезм и сам развивает в это время колонизационную деятельность в низовьях Амударьи, распространяя свои интересы и дальше — в Поволжье и Прикамье. Эти связи сейчас устанавливаются не только благодаря находкам серебряных сосудов хорезмийского происхождения, но и некоторых очень своеобразных деталей поясного набора, известных нам пока, кроме данных областей, еще и в могильниках низовий Сырдарьи⁸³.

Наличие одинаковой посуды в Хорезме и Кердере (только в разном соотношении гончарной к лепной) свидетельствует о начале унификации культуры в целом на территории Южного Приаралья под воздействием более высокой цивилизации Хорезма. В определенные периоды, в частности в первой половине — середине VIII в., можно предполагать объединение Хорезма и Кердера под эгидой правителя Хусрава⁸⁴, ибо только в этом случае объяснимо распространение в конце VII–VIII в. на территории Хорезма поклонения силам природы, идолопоклонничества и прочих языческих культов. Керамика украшается орнаментацией, подражающей прочерченным и вдавленным узором на лепной посуде Кердера⁸⁵.

Складывается очень устойчивый культурный комплекс, характерный как для городского, так и для сельского населения. На протяжении VI–VIII вв. сформировалась жилая ячейка, открытая в городской жилой застройке близ Аяз-калы 2, а также в поселениях и в замках. С небольшими вариантами она в равной степени типична и для других среднеазиатских областей. Имеются в виду линейные (или анфиладного типа) жилища, в глубине которых расположена кладовая, а в центре — жилое поме-

щение с суфами вдоль стен и двумя очагами – тандыровидным на суфе и открытого типа посредине⁸⁶. Отдельные звенья истории этого жилища в дальнейшем прослеживаются в разное время в Отраре XII–XVI вв.⁸⁷ и по этнографическим материалам⁸⁸.

Говоря о жилище, напомним, что С.П. Толстов истоки такой характерной для данной эпохи архитектурной формы как донжон искал в мире степняков. Есть основания полагать, что в известной мере он был прав, однако речь может идти не о крупных жилых башнях – донжонах феодалов, а об однокомнатных башенках, широко распространенных в Беркут-калинском оазисе. Одноэтажные, поднятые на сплошной пахсовый цоколь или же двухэтажные, они и создавали кажущееся единообразие укрепленных усадеб и замков. В действительности эти башенки отличались от крупных донжонов не только по структуре, но и функционально: в мирное время их использовали для хранения продовольствия. Обнаружена башня, пространство внутри которой целиком занято большим колодезем, – свидетельство оборонительных функций подобных сооружений, где можно было отсидеться в период кратковременной осады. Такие башни известны лишь в Хорезме и в оазисе Мерва. Близкое их сходство с дингами туркмен и башнями осетин, восходящими к аланскому периоду, позволяет поставить вопрос, не следует ли искать истоки данной архитектурной формы вне Хорезма, обратившись к сложной проблеме воздействия степного населения на формирование раннесредневековой культуры страны⁸⁹.

Керамика конца VI–VIII в. (рубеж между началом и концом этого периода точно не определяется) представлена немногочисленными, устойчивыми, почти без вариантов, типами водоносных кувшинов, хумов, хумчей, кружек, горшков⁹⁰. Некоторые из них восходят к новой керамике IV–V вв., единичные – к поздней античности. Таким образом, керамические формы VI–VIII вв. в основном не продолжают традиционные хорезмийские типы, сохранявшиеся на протяжении всей античности. Некоторые же типы сосудов появляются именно в данный период.

Итак, перед нами, казалось бы, совершенно новый этап культурного развития, лишь отдельными нитями связанный с предшествующим. Однако так может показаться, если не учитывать особенностей идеологии VII–VIII вв. Религиозные воззрения населения данной эпохи, хотя и включающие заметный пласт тюркских культовых представлений (находки антропоморфных терракот, глиняных идолов и каменной статуэтки в стиле тюркских балбалов⁹¹), все-таки еще продолжают традиции, близкие к верованиям зороастрийского типа. Об этом можно судить по продолжавшемуся строительству купольных храмов огня ("дом № 115" в Беркут-калинском оазисе⁹²), по пантеону божеств, проступающему в символике орнаментации оссуариев⁹³, по изображениям на серебряных хорезмийских чашах⁹⁴ и на оттисках печатей. Это те же Митра, Великая богиня (Анахита?), Фарн (Хварена) – божество царской власти и могущества. В теофорных именах надписей на ток-калинских оссуариях засвидетельствованы божества того же круга. Немаловажно, что в этих надписях нашел отражение зороастрийский календарь⁹⁵. На фоне всего этого VII–VIII вв. – еще этап, завершающий античность, тогда как другие черты культуры этого времени уже сближаются со средневековьем. В культуре эпохи средневековья можно увидеть продолжение раннесредневековых традиций в нескольких типах сельских жилищ, в архитектуре купольных мавзолеев, четырехайванных мечетей и др.⁹⁶. Но введение ислама, высокий уровень развития ремесел и техники, важные достижения керамического производства и появление поливы, распространение стеклянных изделий, поливных изразцов и т.п. и в целом приобщение к высокой культуре стран Переднего Востока в рамках арабского халифата настолько изменили облик культуры, что она может произвести впечатление не имеющей древних истоков.

Суммируя сказанное, отметим следующее. Эволюция некоторых форм культуры в Хорезме прослеживается от поздней античности к раннему средневековью и на протяжении последнего. Резкого разрыва традиций в эту пору не произошло, да его и не могло быть в обществе, где не было полной смены населения. Однако культурный комплекс VII–VIII в. уже близок к средневековому и на первый взгляд действительно

кажется возникшим вне традиций предшествовавшего времени, которые удастся уловить лишь путем тщательного исследования. Вероятно, будь в нашем распоряжении материал раскопок большого хорезмийского города, культурная преемственность на протяжении эпохи раннего средневековья предстала бы в большем многообразии связей и традиций, но пока такие раскопки кажутся весьма отдаленной перспективой.

Примечания

¹ Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 33, 119–153; *его же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 197–200.

² Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 233, 239.

³ Толстов С.П. Периодизация древней истории Средней Азии // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры (далее – КС ИИМК). Вып. XXVIII. М.; Л., 1949. С. 24–27; История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 1. Ташкент, 1955. С. 107–110; Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 448, 504 и др.

⁴ Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Социальная структура населения древнего Пенджикента // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979; *их же*. К характеристике денежных отношений в раннесредневековом Согде // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980; Смирнова О.И. Очерки истории Согда. М., 1970.

⁵ Якубовский А.Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI–XV вв.) // КС ИИМК. Вып. XXVIII. М., 1949. С. 31–32.

⁶ Губаев А. Южный Туркменистан в эпоху раннего феодализма (к проблеме становления феодальных отношений). – Автореф. дисс. д-ра ист. наук., М., 1982. С. 16; Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988. С. 39, 47–48 и др. А. Губаев, не имея на то никаких оснований, включает Якке-Парсан в категорию замков, непосредственно у стен которых располагались бедные крестьянские жилища. Ю. Якубов относит усадьбу № 28 с двумя-тремя жилыми ячейками-секциями к категории сельских поселений, но в данном случае речь идет о небольшой усадьбе. Спорно прямое сближение Якке-Парсана с Гардани-Хисором.

⁷ См. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 186–188; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан // Очерки истории культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990. С. 74–75; Седов В.А. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1988. С. 116; Шишкина Г.В. Варахша и ее округа // Археология Средней Азии. Сб. тезисов. Ташкент, 1990. С. 110; Филанович М.И. Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гяур-кала в старом Мерве // Древний Мерв (Тр. Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции. Т. XIX). Ашхабад, 1989. С. 100–101 и др.

⁸ Толстов С.П. По древним дельтам... С. 252.

⁹ Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии. М., 1992. С. 77; Распопова В.И. Проблемы континуитета согдийского города // Краткие сообщения Ин-та археологии (далее – КСИА). Вып. 199. М., 1990. С. 31–35.

¹⁰ Античностью принято называть древний период в истории Средней Азии, чаще всего от VI в. до н.э. по III–IV вв. н.э.

¹¹ Распопова В.И. Указ. раб. С. 33; *ее же*. Жилища Пенджикента. Л., 1990. С. 198.

¹² Бируни А. Памятники минувших поколений // Избранные соч. Т. I. М.; Ташкент, 1957. С. 47–48.

¹³ Гудкова А.В., Лившиц В.А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема "хорезмийской эры" // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР (далее – ВКФ). 1967. N 1. С. 7–8; Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 77–80.

¹⁴ Топрак-кала. Дворец. М., 1984. С. 17–18.

¹⁵ Лившиц В.А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма // Палестинский сборник. Вып. 21(84). Л., 1970. С. 166–167. Важно отметить, что в помещениях дворца, расположенного у подножия Аяз-калы 2, найдены три медные монеты с именем "Бравик", стертые и пробитые. Дворец погиб в огне пожара, а позже прямо на полу дворцовых залов были построены каркасные домики, вследствие чего материал, к сожалению, оказался смешанным. Пока по керамике дворец предварительно датируется концом V – началом VI в., хотя не исключено, что эту дату можно удревнить. Тогда это здание заманчиво сопоставить с дворцом Африга, построенным над Ал-Фиром, или (согласно другим переводам) позади Ал-Фира так, что он был виден на расстоянии десяти миль и более (Бируни А. Указ. раб. С. 48). Аяз-кала 2, построенная на вершине холма и соединенная с дворцом пандусом, действительно видна уже на полпути от г. Бируни (древний Кят). Но если и не принимать данное отождествление, остается фактом, что хорезмшахи в

доисламский период строили дворцы на одной территории к северу от своей столицы Ал-Фир, позднее называвшейся Кятом.

¹⁶ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации... С. 209.

¹⁷ Там же. Возможна и другая версия, если обратить внимание на эпитет, данный Ездегерду, – "Греховодник", причиной которому было покровительство христианству в противовес государственной религии – зороастризму. Пока нет твердо установленных свидетельств о христианстве в Хорезме IV–V вв., если не считать найденные на руинах Джанбас-калы обломки каменных оссуариев на ножках с рельефным крестом на крышках, который, по мнению некоторых исследователей, является солнечным знаком. В дальнейшем же христианство, видимо, получило какое-то распространение, и, судя по несторианскому кресту на головном уборе одного из правителей страны, изображенном на монете (см. *Вайнберг Б.И.* Указ. раб., табл. XXIX), на престоле был христианин. Известны погребения христиан на некрополе Миздахкана (см. *Ягодин В.И., Ходжайов Т.К.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1968. С. 246–252). А в Мерве, по соседству с Хорезмом, в V в. была учреждена митрополия несториан.

¹⁸ *Ат-Табари.* История пророков и царей. I, 820. Цит. по *Шмидт А.Э.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Уч. Зап. Ин-та востоковедения. М.; Л., 1958. С. 442.

¹⁹ *Пигулевская И.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956. С. 159.

²⁰ *Henning W.B.* Choresmians Documents // *Asia Major*. 1965. V. XI. N 5. Pt. 2. P. 170.

²¹ *Вайнберг Б.И.* Указ. раб. С. 97.

²² *Livshits V.A.* The Khwarezmian Calendar and the Eras of ancient Chorasmia // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. T. XVI. Fasc. 1–4. Budapest, 1968. P. 443.

²³ *Вайнберг Б.И.* Указ. раб. С. 58060.

²⁴ *Бичурии И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1959. С. 229.

²⁵ *Артамонов М.И.* История хазар. М., 1962. С. 70.

²⁶ *Грум-Гржимайло Г.Е.* Восточная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. С. 193.

²⁷ *Бичурии И.* Указ. раб. С. 260.

²⁸ Обычно считают, что Судэ китайских источников – это Согд. Однако заметим, что, согласно В.В. Бартольду, термин Суи-Судэ-Сугдак употреблялся и в стране алан, как об этом до сих пор свидетельствует название поселения Сукдак в Южном Крыму (*Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 550). С другой стороны, новое рассмотрение особенностей архитектуры Барак-тама на фоне значительно большего по объему материала, чем мы располагали в свое время, позволяет рассматривать его как здание согдийского типа, а вместе с этим вновь обратиться к версии А.Н. Бернштама о Судэ – согдийской колонии на Сырдарье (см. *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. М., 1953. С. 112).

²⁹ *Неразик Е.Е.* О некоторых направлениях этнических связей населения Южного Приаралья в IV–V вв. н.э. // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 198–202.

³⁰ *Аммиан Марцелин.* История. Вып. 4. Киев, 1910. С. 249. Сообщение Аммиана Марцелина о заключении мира с "отдаленнейшими племенами" геланами и хионитами в 358 г. – единственное твердое указание на местоположение данных племен в IV в. н.э. Оно не учитывается авторами, которые приурочивают хионитов исключительно к Бактрии, основываясь на твердом убеждении, что монеты с надписью *Goboziko* следует относить к хионитам. Даже если не принимать во внимание заключение Р. Гёбля об отсутствии чекана хионитов (*Göble R.* Document für Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Wiesbaden, 1967. Bd. II. S. 237), совсем необязательно начало выпуска монет прямо связывать с родиной чеканивших их правителей. Это происходит обычно в центре образованного ими государства, которого, кстати, хиониты не сформировали.

³¹ *Трофимова Т.А.* Материалы по палеоантропологии Хорезма // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее – ТХАЭЭ). Т. II. М., 1958. С. 680–682, 679 сноски N 4.

³² Там же. С. 693.

³³ *Яблонский Л.Т., Болелов С.Б.* Могилиник Яссы-гыр в Присарыкамышье: погребальный обряд и антропология // Новые открытия в Приаралье. М., 1991. С. 23–24.

³⁴ *Яблонский Л.Т.* Население Южного Приаралья в раннем железном веке. Автореф. д-ра ист. наук. М., 1991. С. 77; Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. М., 1995. С. 240.

³⁵ *Болелов С.Б.* Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии в первой половине I тысячелетия н.э. // Археология Средней Азии. Тез. докл. Ташкент, 1990. С. 37–38.

³⁶ *Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А.* Курганы на Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 165.

³⁷ *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. С. 233.

³⁸ *Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // Археолого-этнографические очерки. М., 1976. С. 17, 217–218.

³⁹ *Новосельцев А.В., Пауцто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма. М., 1970. С. 121.

- 40 Распопова В.И. Жилища Пенджикента. С. 198.
- 41 Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966. С. 11–12.
- 42 Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме... С. 24–35.
- 43 Там же. С. 48–56.
- 44 Неразик Е.Е. Раскопки Якке-Парсана. // Материалы Хорезмской экспедиции (далее – МХЭ). Вып. 7. М., 1963. С. 5.
- 45 Толстов С.П. Древний Хорезм. С. 144. Автор ошибочно считал, что в цоколь позднейшего донжона было замуровано более раннее здание. Оказалось, что замурована была одна из башен, фланкировавших вход в усадьбу.
- 46 Новосельцев А.В., Паушто В.Т., Черепнин Л.В. Указ. раб. С. 71.
- 47 Неразик Е.Е. Сельские поселения... С. 44–49.
- 48 Ат-Табари. История пророков и царей. Ташкент, 1987.
- 49 Смирнова О.И. Указ. раб. С. 23–83.
- 50 Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // МХЭ. Вып. 6. М., 1969. С. 199.
- 51 Мамбетуллаев М., Юсупов Н., Хожаниязов Г., Матрасумов Ш. Хива по итогам исследований 1985 г. // ВКФ. 1986. № 2. С. 38.
- 52 Шишкина Г.В., Наймарк А.И. Историческая топография Дурмон-тепе // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС (сб. тезисов). Суздаль, 1987. С. 289.
- 53 Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Ташкент, 1966. Рис. 18; Распопова В.И. Жилища Пенджикента. Рис. 90.
- 54 Иневаткина О.П. Акрополь древнего Самарканда. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1995. С. 13, 21.
- 55 Городище Топрак-кала. М., 1981. С. 52–54.
- 56 Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 315–317.
- 57 Городище Топрак-кала, С. 24, 35, рис. 11.
- 58 Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации... С. 19.
- 59 Городище Топрак-кала. С. 90–91.
- 60 Там же. С. 81–89. Рис. 43, 44.
- 61 Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Los Angeles; L., 1973. P. 306–323. Fig. 49.
- 62 Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Указ. раб., рис. 5.
- 63 Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963. Рис. 2.
- 64 Топрак-кала. Дворец. Рис. 5.
- 65 Литвинский Б.А., Соловьев В.И. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985. Рис. 9–10; Шишкин В.А. Варахша. М., 1963. Рис. 16; Распопова В.И. Жилища Пенджикента. Рис. 90.
- 66 Филанович М.И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии – Тохаристана. Ташкен, 1987.
- 67 Толстов С.П. Древний Хорезм. С. 95–97. Рис. 31, 33.
- 68 Неразик Е.Е. Сельское жилище... С. 53–56. Рис. 27.
- 69 Бируни А. Избр. произ. Т. I. Ташкент, 1957. С. 254, 257.
- 70 Неразик Е.Е. Купольная постройка в Якке-Парсанском оазисе раннесредневекового Хорезма // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989.
- 71 Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
- 72 Schirrmann K. Die altiranischen Feuerheiligtümer. В.; N.Y., 1971. S. 496.
- 73 Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 330; Рапопорт Ю.А. Религия древнего Хорезма. Науч. докл. в качестве дис. д-ра ист. наук. М., 1991. С. 30.
- 74 Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 83.
- 75 Смирнова О.И. Места домусульманского культа в Средней Азии // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1970.
- 76 Белецкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. Вып. 154. М., 1978. С. 35.
- 77 Снесарев Г.П. Указ. раб. С. 323.
- 78 Рапопорт Ю.А. Из истории религии... С. 4–5.
- 79 Там же. С. 97.
- 80 Бижанов Е., Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 году // Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973. С. 59–60.
- 81 Рапопорт Ю.А. Из истории религии... С. 89.
- 82 Гудкова А.В., Ягодин В.Н. Археологические исследования в правобережной части дельты Амударьи

в 1958–1959 гг. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963. С. 267; *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н.э. М., 1971. С. 241.

⁸³ *Левина Л.М.* Джетыясарская культура. Ч. 2–3. М., 1994. С. 72. Рис. 154, NN 33–35; *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Рис. 72.

⁸⁴ Вилообразный знак-тамга на реверсе монет этого правителя позволяет предполагать, что он был выходцем из среды степняков. Она сопоставляется с родовым знаком каракалпакского рода мюйтен (*Ягодин В.Н.* Об этническом определении кердерской культуры и ее роли в этногенезе каракалпаков // ВКФ. 1973. N 3. С. 73), ногайцев рода канглы (*Вайберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. С. 41) и т.д.

⁸⁵ См. подробнее *Неразик Е.Е.* Керамика Хорезма афригидского периода // ТХЭ. Т. II. М., 1959. С. 255–259.

⁸⁶ *Неразик Е.Е.* Раскопки Якке-Парсана. С. 23–28. Сходство подобных жилых ячеек в застройке Якке-Парсана в Хорезме и Гардани Хисора в горном Согде привели некоторых исследователей к заключению об их типологическом сходстве в качестве укрепленных поселений с цитаделью. Однако установлено, что указанные ячейки служили жилищами и горожан, и сельских жителей, и обитателей усадеб. Так, все элементы планировки Якке-Парсана можно увидеть в старой байской усадьбе-хаули Матраимбая в Хазараспском районе (центрическая планировка покоев хозяина усадьбы похожа на расположение комнат донжона, имеются трехкомнатные секции для отдельных семей). Но из-за этого такую усадьбу вряд ли следует называть поселением. См. *Сазонова М.В.* К этнографии узбеков Южного Хорезма // ТХЭ. Т. I. М., 1952. С. 286. Рис. 18.

⁸⁷ *Ерзакович Л.Б.* Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986. С. 100–102.

⁸⁸ *Жилина А.Н.* Традиционные поселения и жилища узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 181–182.

⁸⁹ См. *Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме... С. 181–182.

⁹⁰ *Неразик Е.Е.* Каменная статуэтка из Якке-Парсана // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.

⁹¹ *Неразик Е.Е.* Керамика Хорезма... С. 235–254.

⁹² См. *Неразик Е.Е.* Сельские поселения... С. 90–91.

⁹³ *Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К.* Указ. раб. С. 129.

⁹⁴ *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976. С. 103–114. Табл. 25–26. Рис. 14.

⁹⁵ *Livshits V.A.* Op. cit. P. 444–446.

⁹⁶ *Неразик Е.Е.* Сельские поселения... С. 88–89; *ее же.* Сельское жилище в Хорезме... С. 193–199 и др.

Early middle ages Khorezm

This article is a brief generalization of the archaeological researches on the territory of Khorezm. Some new materials, dated from IV–V A.D., are published. They are dealing with such archaeological discoveries, as a large palace of Khorezm monarchs, and a Temple of Fire at the Yakke-Parsan oasis. The author touches also the problems of the transition of cultural traditions and of the crisis of the Khorezmian society.

E.E. Nerazick

© 1997 г., ЭО, № 1

В.Д. Берестов

ШЕФ

(глава из книги воспоминаний)

Как только я увидел Сергея Павловича Толстова на кафедре Ленинской аудитории Московского университета, я сразу же испытал непреодолимое желание работать в его экспедиции и стать его учеником. В сущности я, сам того не сознавая, стал им с первой же его лекции. Все, о чем он читал, было как бы заново проверено